

о. Анри Мартен

КАТОЛИЧЕСТВО И РОССИЯ

Обновлённая редакция

SALVEMUS!
2010

ОТ АВТОРА

Эта работа была написана в 2005 году, под впечатлением от смерти Папы Иоанна-Павла II, и опубликована в журнале «Континент» № 127 за 2006 г. Сегодня я написал бы её, наверное, не так эмоционально, однако с сутью высказанных в ней мыслей я по-прежнему полностью согласен, и потому публикую без существенных изменений, лишь исправив незначительные погрешности и убрав несущественные детали.

КАТОЛИЧЕСТВО И РОССИЯ

«Качество этой (т. е. Константиновой) победы и заставило Западную Церковь отделиться от Восточной. То есть Рим географический от Рима умышленного: от Византии. Церковь — Христову невесту от Церкви — жены государства».

Иосиф Бродский, **«Путешествие в Стамбул»**

«Бог может все...»

В этом, 2005 году от Рождества Христова, со смертью Папы Иоанна-Павла II завершился выдающийся понтификат, один из самых выдающихся за всю историю Церкви. На похороны Папы в Рим съехалось, говорят, четыре миллиона человек. И ещё сотни миллионов по всему земному шару, не отрываясь, следили за похоронами по телевизору. Сколько мир стоит, *так* не хоронили ещё ни одного человека.

Известие о смерти Папы застало меня в Польше. Храм во имя Божьего Милосердия и Св. Фаустины, в котором я обычно сослужу, когда бываю

в Варшаве, был битком забит молодежью. Настоятель храма о. Тадеуш Поляк, человек редкостного ума и несравненный проповедник — мы, «профессионалы», редко слушаем проповеди друг друга, но у него я стараюсь уловить каждое слово, — при виде собравшихся сказал: «Настоящее чудо! Обычно, сколько их ни зови, даже трети не дозовешься, а сейчас пришли сами!»

Да, смерть может удивительным образом выветить масштабы человеческой личности. Разумеется, значительность фигуры занимавшего Апостольский Престол почти двадцать семь лет Кароля Войтылы ни для кого не была секретом. Но только услышав по радио о смерти Папы, я вдруг с необычайной ясностью ощутил, до чего это был великий понтификат.

«Посмертные» чудеса были, конечно же, далеко не единственными в биографии Иоанна-Павла — Кароля Войтылы. Клич «*Santo subito!*»¹ требовательно разнесся по всей Церкви, и процесс беатификации уже начался.

В Католической Церкви принята двухступенчатая система канонизации. Для первой ступени, беатификации, когда человек провозглашается блаженным (*beato*), необходимо хотя бы одно достоверно установленное чудо, связанное с личностью кандидата. Для второй, собственно канонизации, когда человек провозглашается святым (*santo*), ну-

¹(Провозгласить) святым немедленно! (лат.)

жно хотя бы два. Никто не сомневается, что в данном случае недостатка здесь не будет.

Чудеса, конечно, бывают разные. Одни — шумные и яркие, приметные всем; другие — тихие, «домашние», не выходящие как будто за пределы естественного хода жизни. Так вот, свидетелем события, которое не могу воспринимать иначе, как чудо, был и я. Это произошло в Тбилиси в ноябре 1999 года.

Визит Папы в Грузию... До этого я уже встречался с Папой трижды — два раза в Швеции, в Стокгольме и Вадстене, во время Всемирного дня молодежи летом 1989 года, и один раз тем же летом в Ватикане. В том году мне исполнилось сорок лет, и это был мой первый выезд за границу. Прожившим, как и я, немалую часть жизни при советской власти, не нужно объяснять, что это для меня значило: первый выход из пожизненного заключения на свободу! всю мою молодость до заграницы мне было как до Луны, и даже дальше: ведь если существовала хотя бы теоретическая возможность мне сделаться, скажем, космонавтом и побывать на Луне, то сделаться «выездным» при большевиках у меня не было ни малейших шансов!

И вот — Стокгольм, чистый, опрятный, изумительная природа, фьорды, скалистые островки по заливу, и в изобилии, без всякой очереди, бананы (желтые! У нас даже в кино про Старика Хоттабыча они были зелеными!) и кока-кола! Свои немногочисленные кроны я тратил в основном на это.

Но, разумеется, гораздо лучше фьордов и бананов запомнилось мне то, ради чего я сюда приехал: Папа, и прежде всего его молитва.

Мессу мы служили в Стокгольме во дворце спорта, вмещавшем четырнадцать тысяч человек — это и определило выбор места. Священники, более двухсот, располагались на арене, там для нас рядами были расставлены стулья, а для Папы и епископов в центре арены воздвигли специальный помост, откуда он был виден всем. Его фигура и сейчас у меня перед глазами: как только завершалась часть богослужения, в которой требовалось его непосредственное участие, он тотчас, оперевшись на свой посох, склонялся и погружался в такую глубокую безмолвную молитву, что было очевидно: здесь его больше нет. При этом, как ни странно, вовсе не вызывало беспокойства, что он «уйдет» настолько далеко, что не сумеет вовремя вернуться. Переход от деятельного состояния к созерцанию и обратно происходил так легко и органично, что вызывал не изумление, а восхищение, которое я помню до сих пор.

Оба раза в Швеции мне посчастливилось оказаться рядом с Папой до и после богослужения, пожать и поцеловать его руку, а в Ватикане, во время общей аудиенции, — даже обменяться с ним несколькими фразами. Папа спросил, откуда я приехал, и, узнав, что из Грузии, сказал: «Я каждый день молюсь о Грузии».

Десять лет спустя как результат (наверное, не единственный!) молитвы Папы о Грузии состоялся его визит. И вот он завершается. После встречи с верующими и духовенством Папа удаляется из маленького храма Святых Апостолов Петра и Павла в Тбилиси, долгое время единственного католического храма на все Закавказье (торжественная понтификальная Месса проходила, как и в Стокгольме, во дворце спорта). Я смотрю ему вслед, став на ступени алтаря, стою в том самом храме, где меня крестили, на тех ступенях, на которых отстоял на коленях многие годы, будучи министрантом — служкой — во время Мессы: не без усилий с непривычки, крестился-то я взрослым! И вот, если бы в те годы, когда до Папы нам было как до Луны и дальше, мне сказали, что я его увижу, увижу Папу, да не в Ватикане, на высоком престоле, за эскортом из швейцарских гвардейцев, а здесь, у себя в алтаре, только протяни руку, то разве смог бы я назвать такую перспективу иначе, нежели чудом?

Наш настоятель, патер Ян, тот самый, который меня крестил и многому выучил, стоял на ступенях рядом со мной. Я повернулся к нему:

— Патер Ян, могли ли мы подумать, что доживем до такого: принимать здесь самого Папу?

— Да, — серьезно отвечал патер Ян, — Бог может все...

Так я стал свидетелем этого чуда, одного из многих, совершенных Всемогущим Богом через Своего служителя Кароля Войтылу, Папу Иоанна--

Павла II. Ведь Папа в Грузии — разве это не подлинное чудо? А Папа в Индии, в Пакистане, в Океании, Папа, благовествующий любовь и мир по всему миру? Ведь миру не доводилось видеть ничего подобного, наверное, со времен самого святого Апостола Петра! И мир откликнулся на эту любовь: сотни стран, миллиарды людей принимали Папу, приветствовали Папу и оплакивали Папу, когда его не стало с нами.

И только в Россию Папу так и не пустили. Россия здесь, как и во многом другом, пошла своим особенным путем. Куда же может завести нас этот путь? Куда заводят те пути, на которых человек словно бы заявляет Богу: «Ты можешь всё? Может, и всё, да не со мной!»

Кто же такие эти католики?

Что же за народ такой зловердный эти католики, что Предстоятеля их — Папу — и на порог нельзя пускать, как бы ни просился, каких бы даров ни сулил (уже в преддверии смерти Папа просил разрешения совершить посадку в Казани на обратном пути из Китая, чтобы вернуть России икону Казанской Божией Матери, — отказали)?! А тех, кто уже проник, гнать взащей, не объясняя причин, как иркутского епископа Ежи Мазура, как о. Стефано Каприо и многих других?

С отцом Стефано я был знаком довольно близко: молодой, исключительно добрый и энергичный, энциклопедически образованный священник, он приехал в Россию в самом начале 90-х и больше двенадцати лет работал здесь на износ: преподавал в колледже, читал публичные лекции, писал статьи, редактировал различные издания, был настоятелем одновременно в двух приходах — во Владимире и в Иванове, вел молитвенные группы, руководил центром религиозного просвещения «Вера и Мысль» в Москве, проводил обширную благотворительную деятельность — и за все за это получил увесистого пинка: у него попросту выдрали из паспорта действительную долгосрочную визу, когда он вылетал из Шереметьева к себе в Милан по делу. При этом его даже не предупредили: на паспортном контроле пограничник просто отлучился куда-то ненадолго, а затем, ни слова не говоря, вернул о. Стефано его паспорт, и тот лишь в самолете, случайно перелистав страницы, обнаружил, что визы у него больше нет.

В российском консульстве о. Стефано в разъяснениях отказали: государство не обязано отчитываться перед иностранцами, кого оно пускает на свою территорию, кого нет. Допустим, так. Но перед прихожанами о. Стефано, перед паствой епископа Мазура — российскими гражданами! — государство тоже не обязано отчитываться, за что их лишили настоятеля, за что — предстоятеля? Впрочем, что это я, будто в Швейцарии родился!..

Ну так всё-таки, кто мы такие, католики? Откуда мы взяли на русскую головушку?

И тут приходится признать, что появились католики на земле очень давно — как бы не с самого начала христианства.

Прежде всего, однако, следует определить, что значит само слово «католик». Католик — это христианин, признающий особую роль и авторитет в Церкви св. Апостола Петра и его преемника на земле — Римского Первосвященника, т. е. Папы. Это — основная, кардинальная, определяющая мировоззренческая особенность, отличающая католиков от всех остальных христиан.

Все остальные различия и противоречия тесно связаны именно с этим. В конце концов, я принимаю *filioque*, т. е. догмат об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, а также учение о чистилище и другие особенности католического вероучения не потому, что в результате углубленных исследований либо мистических озарений сам лично в этом убедился, но потому, что признаю учительный авторитет Церкви, особым образом выраженный для меня как для католика в лице Папы. Прав я или нет — вопрос другой, но тот, кто считает, что я не прав, делает это как раз потому, что отвергает этот столь дорогой для меня папский авторитет, а не потому, чтобы сам лично убедился в отсутствии чистилища либо в том, что Дух Святой отнюдь не исходит от Второго Лица Пресвятой Троицы.

Отсюда, кстати, следует, что католика отличают не столько те или иные особенности его мировоззрения (скажем, догмат о *filioque* сравнительно новый, чуть не тысячу лет ни один католик такого элемента в своем мировоззрении не держал), сколько готовность принять любые особенности, если они подтверждены папским авторитетом.

Такая позиция может показаться очень опасной: мало ли что там Папе в голову взбредет! Но мы, католики, верим не в Папу, мы веруем в Бога. Мы верим, что Бог не оставит Свою Церковь без опеки, и выборы Папы — не конкурс красоты, а действие Провидения. Дело, конечно, не в статистике, но все же — легко ли вам себе представить, чтобы добрый, милосердный и всемогущий Бог оставил на волю предвыборных интриг и подковёрной борьбы духовное руководство целым миллиардом Своих последователей?

Провидение, конечно же, не исключает ни интриг, ни борьбы, ни прочих наших свойств, но потому Оно и Провидение, что способно даже их направить к исполнению Своей воли. Вы сошлётесь на то, что Апостольский Престол занимало сколько угодно никуда не годных Пап? Не знаю, сколько именно негодных Пап угодно вам, но готов опередить ваши самые смелые желания и признать, что негодными были все до одного. Человек вообще не пригоден для такой роли. Ни один человек, начиная с самого св. Апостола Петра.

Св. Апостол Петр

О св. Апостоле Петре мы знаем не понаслышке. Ни об одном Апостоле, ни о каком другом человеке (разве только о св. Иоанне Крестителе) в Евангелии не говорится так много, как о нем. Говорит он о себе и сам, и что же мы от него слышим? — *«Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный»* (Лк 5,8).

Говорит он это, пав к ногам Иисуса после чудесного улова рыбы. Ни обстоятельства, ни характер говорящего — немолодого рыбака — не располагают к рисовке, кокетству. Петр действительно говорит то, что думает, вернее, что ощущает: я человек грешный. Но грех наш, и уж тем паче наши слабости и несовершенства, — для Бога не помеха. И этот самый Петр услышит позднее: «Блажен ты, Симон, сын Ионин»... Впрочем, этот эпизод настолько важен для нашей темы, что стоит привести его целиком.

«Придя же в страны Кесари Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты Христос, Сын Бога живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты,

Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты — Петр¹, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф 16,13-19; параллельные места: Мк 8,27; Лк 9,18-21).

«Не плоть и кровь открыли тебе это» — значит, по плоти и крови Петр ничем не отличается в лучшую сторону от нас, остальных, ни мудростью, ни проницательностью. Бог просто избрал его, и всё. И вовсе не по признаку наибольшей пригодности. Словно для того, чтобы ещё ярче подчеркнуть это, тут же следует совершенно иной диалог:

«С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим, и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою. Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн; потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф 16,21-23).

Неизвестно, рискнул бы Петр «прекословить», если бы не умопомрачительные перспективы, толь-

¹Петр — камень, скала (от греч. *petros*).

ко что открывшиеся перед ним: «Дам тебе ключи Царства Небесного!» Поневоле голова закружится... Но тут нам особенно ясно видно, что избрание вовсе не переменяет человеческой природы, во всяком случае, не сразу. Ведь Петр, собственно, услужить хотел Иисусу, пожалел Его, но пожалел чисто по-человечески. Про «быть убиту» он услышал, про «в третий день воскреснуть» — нет. Ведь «быть убиту» — это так по-человечески, а вот «воскреснуть» — это исключительно по-Божьи! Поэтому и раздались эти страшные слова: «Отойди от Меня, сатана!»

Мне, правда, не приходилось встречаться с аргументацией, на основании этого последнего диалога отрицающей избранность Петра. Понятно всем, что «отойди от Меня» здесь означает не окончательное отвержение — никуда ведь Петр не отошел, так и следовал за Иисусом, — но предупреждение в смысле «смотри у Меня!».

Зато не раз я слышал от своих православных собеседников, что да, Господь избрал было Петра, как это следует из вышеприведенного текста, но затем Петр, поскольку трижды от Господа отрекся, лишился своего призвания.

Это утверждение, на мой взгляд, представляет собою двойную нелепицу.

Во-первых, неужели наша слабость и неустойчивость способна отменять замыслы Божии?! Или, как хорошо сказано у Владимира Соловьева:

Клятве ты изменил, но изменой своей
Мог ли сердце моё изменить?

Нелепо думать, будто бы Господь, давая Свои обетования, и не подозревал, что Петр окажется слаб и неустойчив. Напротив, Он как раз прекрасно знал заранее, что Петр отречётся, и Сам же ему это предсказал (Мф 26,34).

Во-вторых и в-главных, такое мнение полностью опровергается евангельским повествованием. У Луки предсказание об отречении приведено в таком контексте: *«И сказал Господь: Симон! Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих»* (Лк 22,31-32). Вот за какими словами следует похвальба Петра и предсказание об отречении. А у Иоанна (Ин 21,15-19) мы читаем, как уже после Воскресения (стало быть, и после отречения тоже) Господь троекратно поручает Петру: *«Паси агнцев Моих; паси овец Моих»*.

И в дальнейшем, в Деяниях Апостолов, ведущая роль Петра в Первой Церкви подчеркивается выразительно и неоднократно, начиная с рассказа об избрании Апостола Матфия и Сошествии Святого Духа (Деян 1,15-26; 2,1-42) до обращения Корнилия (и тем самым, начала обращения язычников, Деян 10,1-48) и Апостольского собора (Деян 15,4-29).

Но, скажут мне, если даже с Петром все более-менее ясно, откуда вы, католики, взяли, что Папа — это подлинный его преемник? Что ж, к этому мы сейчас и перейдем.

Рим или Антиохия?

То, что св. Апостол Петр был первым епископом Рима и, стало быть, Римский епископ, или Папа, тем самым является его преемником на этой кафедре, согласны практически все. Сведения об этом содержатся уже у св. Ириней Лионского, епископа и мученика II века, в его знаменитом сочинении «Против ересей», в котором он приводит список всех епископов Рима от Петра до современного ему. Но значит ли это, что Папа унаследовал и особую избранность Петра в качестве «скалы веры»? Ведь Петр был епископом также и в Антиохии, говорят мне мои православные собеседники, и Патриарх Антиохийский, кстати, тоже носит титул Папы (от греч. *pappas* — «отец»). Так почему же именно Римский епископ унаследовал особую роль Петра, а не Антиохийский?

Потому что, во-первых, Антиохийскую кафедру Петр оставил ещё при жизни, так сказать, переуступил, сам перейдя в Рим, и, разумеется, при этом речь не могла идти о «дублировании» его ведущей роли: свою роль он взял с собой. И лишь

Римский епископ, после мученической смерти Петра унаследовавший его кафедру, мог претендовать на роль преемника вселенской функции св. Петра. Во-вторых, Антиохийская кафедра ни в прошлом, в пору своего расцвета, ни тем более теперь никогда не пользовалась и малой долей того авторитета и влияния в Церкви, каким всегда располагала кафедра Римская.

Св. Иринея приводит список Римских епископов в связи с вопросом, какую Церковь следует считать подлинной Церковью Христовой. Он говорит, что подлинная Церковь непременно ведет своё происхождение от какого-либо из Апостолов и бережно хранит список своих предстоятелей от Апостольских времен. В одном сочинении привести все такие списки никак невозможно, поэтому, говорит Иринея, мы ограничимся списком самой почитаемой и авторитетной во вселенной Церкви — Римской.

В сходном духе высказывались и позднейшие великие Отцы Церкви, включая Отцов Халкидонского собора, по поводу вероучительного определения св. Папы Льва Великого единодушно восклицавших: «Петр вещал через Льва!»

Мне приходилось слышать и такое мнение, что это, дескать, была просто такая риторическая фигура, восточный политес, знаете ли... Спорить не берусь. Собственно, я и не собираюсь проводить сколько-нибудь подробный разбор богословских, библейских и святоотеческих обоснований прима-

та св. Петра и его преемников. Такая работа проделана уже давно и великолепно в прекрасной книге Владимира Соловьева «Россия и Вселенская Церковь», пересказывать которую здесь не имеет никакого смысла. В последние годы она переиздавалась неоднократно и желающим вполне доступна.

Для меня достаточно было показать, что такие аргументы ЕСТЬ. Но я не думаю, что лишним повторением смогу прибавить им убедительности.

Поэтому займемся другим вопросом —

А насколько это важно?

Действительно, кто из нас не слышал, а то и сам не говорил: «В Бога я верю, но в Церковь не хожу»? Т. е. важно иметь Бога у себя в сердце, в душе, а не в церковь ходить. А если и ходить, то разве так уж важно, в какую именно? Ведь Бог один!

Попробуем ответить на обе части этого вопроса.

Сегодня очень модно считать, что все религии так или иначе служат добру, так или иначе несут какую-то истину, и важно не столько то, какую веру ты исповедуешь, сколько то, как искренне и глубоко ты это делаешь. Добросовестный и последовательный последователь (прошу прощения за тавтологию) любого Учителя жизни достигнет спа-

сения... просветления... нирваны... вечного блаженства и т. д., за кем бы он ни шел: за Буддой, за Христом, за Магомедом, за Сократом, за Лаоцзы, а то и просто — за голосом собственной совести. Ежели по-политкорректному, тут и возражать-то неудобно, особенно против голоса совести. Но с совестью нам, к счастью, спорить и не придется, а дело в том, что Христос из этого списка выпадает просто потому, что Он как раз вовсе не учитель в общепринятом смысле. Следовать за Христом так же, как за Сократом или Лао-цзы, попросту невозможно.

Смотрите, что говорит любой учитель, будь то Будда, Сократ, Магомед либо Лао-цзы? Он говорит: Я знаю истину. Истина мне открылась. Я размышлял под деревом бо, либо просто размышлял, либо я уснул в пещере в пустыне и видел вещий сон, в котором истина мне открылась, и вот я передаю её вам.

Т. е., выходит, истина — отдельно, учитель — отдельно. Так оно, собственно, и бывает, преподают ли математику, музыку или иностранный язык: и математика, и музыка, и язык существуют сами по себе, учитель — сам по себе, а ученик, при должном прилежании, вполне способен усвоить «весь материал», которым владеет сам учитель. То же самое и с Учителями жизни: жизнь — сама по себе, учитель — сам по себе. Вот я учу вас, говорит учитель, и когда вы познаете четыре благородных истины, или же Коран, или же путь Дао, вы будете

знать то же и столько же, сколько и я (а ученик, того гляди, ещё прибавит мысленно: а то и больше!).

Но совсем иначе со Христом.

Христос не говорит: Я знаю истину.

Он говорит совсем другое: Я — истина. Я Сам — истина («Я есмь путь и истина и жизнь», Ин 14,6).

Получается, что не только Он и жизнь, Он и истина о жизни, Он и путь жизни — одно, но и по отношению друг ко другу путь, истина и жизнь это нечто одно.

Либо это неправда, и тогда Он сумасшедший, а никакой не Учитель жизни.

Либо это правда, и тогда все прочие учителя попросту не могут стоять с Ним в одном списке.

Так что, ежели со Христом, то ходить не в мечеть и не в пагоду. А ходить, если ходить, то в Церковь. И если уж да, то в какую?

Во-первых, по поводу «да». Если Христос Сам есть истина, если истина — это не книга, не набор утверждений, не просто путь, но живая Личность, то как можно познать такую истину? Невозможно познать живую личность, невозможно личностью овладеть, даже своею собственной — сколько всего в нас самих от нас ускользает!.. А тем более — иной, и тем более — Такой... Познать, овладеть — невозможно. Но возможно Ей — приобщиться. Можно в Ней пребывать. Именно для этого Христос и установил таинство приобщения, причастия. В Ев-

харистии, в святом причастии, мы приобщаемся Самого Христа, принимая под видом пресуществлённых хлеба и вина Его Тело и Кровь.

Я не собираюсь спорить с теми, кто этому не верит. Я только предлагаю рассмотреть те следствия, какие вытекают из данного принципа независимо от того, веришь ты в него или же нет.

Итак, для того чтобы не познать истину-Христа, но приобщиться ей, пребывать в ней, необходимо причастие. Человеку до такого не додуматься, а не то, чтобы самому исполнить. Таинство причастия у нас есть потому, что его установил Сам Христос на Тайной вечере («Тайной» потому, что на ней была установлена эта «тайна», как по-славянски называлось таинство, а вовсе не потому, что проводилась она подпольно). После слов: «Приимите, ядите; сие есть Тело моё... Сия есть Кровь Моя» (Мф 26,27-28; параллельные места: Мк 14,22-25; Лк 22,19-24), Он прибавил: «Сие творите... в моё воспоминание» (1 Кор 11,25). Таким образом, Евхаристия должна продолжаться — и продолжается! — и после восшествия Господа на небеса.

Мы не станем сейчас обсуждать вопрос о том, кому именно Господь передал власть совершения Евхаристии. Мы, католики, вместе с православными и членами других Апостольских Церквей — Армянской, Сиро-Халдейской, Коптской и др., — верим и утверждаем, что эту власть Господь вверил Апостолам и через них — их преемникам, т. е. епископам. Лютер и вслед за ним многие протестанты

вплоть до наших дней считают, что такое утверждение означает произвольное ограничение силы Святого Духа (Которым и в Котором совершается это таинство по существу, а не, само собою разумеется, человеческими действиями и словами священнослужителя). Не будем с ними спорить. Личная моя точка зрения в качестве католика ясна, но я не собираюсь никому её навязывать. Напротив, даже приведу пример в противоположном смысле.

Отец-францисканец Целестин Напюрковский, профессор Люблинского Католического Университета, в котором я учился, и в прошлом — активный участник экуменического диалога, рассказывал мне как-то, что присутствовал на лютеранском богослужении и был поражен, с какой благоговеющей любовью относились лютеране к тому, что называли святым причастием.

— Ну хорошо, — сказал он в заключение. — Мы, католики, не верим, что у них действительно совершается это таинство (поскольку у лютеран не сохранилась апостольская сукцессия, т. е. преемство епископского священнослужения от Апостолов. — А. М.). Но я тогда вдруг подумал: а если бы мне предложили рассыпать эти облатки и потоптать их ногами, разве я стал бы это делать?

Что ж, я целиком с ним согласился, что поступить так было бы величайшим свинством, сукцессия там или не сукцессия. Таким образом, мы с о. Целестином оказались полностью единомышленны в

том, что нельзя целиком отвергать значения Люте-
рова убеждения в том, как существенен элемент
человеческой веры в акте святого причастия.

— Но тогда о чем вообще разговор, если все
дело только в вере? Разве и я не о том же? —
воскликнет иной нетерпеливый читатель, радуясь
при мысли, что от обязательного посещения храма
всё-таки удастся отвертеться.

Однако, как ни относись к сукцессии, а суть
Евхаристии, всё-таки в том, что призвана она со-
зидать из отдельных людей единое Тело Христово.
Это и значит, собственно, приобщиться Христу,
пребывать в Нем: быть членом Его Тела, т. е. Церк-
ви. Об этом хорошо и много говорит св. Апостол
Павел в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор
12,12-31) и в других местах. Уместно также напо-
мнить слова Самого Господа: *«Где двое или трое из
вас собрались во имя Моё, там Я посреди них»* (Мф
18, 20), а также и тот факт, что само слово «литур-
гия» означает по-гречески «общее дело».

Так что, как ни старайся, в одиночку Тела Хри-
стова тебе не составить.

Стало быть, у нас осталась только вторая часть
вопроса: если уж в Церковь так или иначе необхо-
димо ходить, то в какую? И здесь мы вновь вер-
немся к св. Иринею.

Католичность или православность?

Попавшему в незнакомый город св. Ириней советует осведомиться, где здесь католическая Церковь, и ходить именно туда. У Иринея (напомню: жившего во II веке) стоит именно этот термин: *katholike*, что по-гречески значит «вселенский», «всеобщий». Вот уже лет двести это слово в русских переводах не только св. Иринея, но и всех вообще святоотеческих писаний, заменяют на «православный». Также и в Символе веры прежнее: «Верую в... кафолическую (через «фиту» в славянском тексте)... Церковь» заменено на невнятное: «соборную». Невнятное потому, что слово «Церковь» (греч. *ekklesia*) само по себе значит «собрание». «Соборная Церковь» — получается, «собранное собрание»?

То, что это — новомодное искажение, следует хотя бы из того, что в Грузинской Православной Церкви (и, несомненно, в Греческой) слово *katholike* из Символа никуда не делось, так до сих пор его и произносят — сам и слышал, и произносил. (Мне говорили о каких-то древних славянских памятниках, где тоже вроде бы стоит слово «соборную». Может быть, и так, но что с того? Если ошибку начали допускать не двести лет назад, а восемьсот — а в общий обиход, «в моду» так сказать, она вошла всё-таки только двести лет назад, до этого и на Руси писали «кафолическую», — то быть ошибкой из-за этого она не перестает.)

Так ли уж безобидна эта замена? Не безобидна уже хотя бы потому, что лишает ищущего одно-значного ориентира.

Действительно, в Москве сегодня вы найдете три или четыре Церкви, претендующие на православность: прежде всего, конечно, Церковь Московского патриархата, но также представлены и катакомбники, и старообрядцы, и мало кому известная Русская Апостольская Православная Церковь... В Украине Православных Церквей целых три, а в Стокгольме, как я в своё время с изумлением узнал, представлены аж девять (!) Православных Церквей, причем общаются между собой и признают благодатность друг у друга всего лишь две. Ну и как же тут разобраться путнику, попавшему в незнакомый город?!

Что нам ответит грамотный православный, если мы спросим у него, как нам убедиться, что его Церковь — действительно православная, что по смыслу слова должно значить: истинная Христова Церковь?

Он ответит примерно так: читай Священное Писание, труды Святых Отцов, молись, посещай наши богослужения, и рано или поздно свет сойдет на тебя, и ты сам убедишься, что наша Церковь — истинная.

Что ж, прекрасно; многие действительно так и поступают, и убеждаются, и счастливы. Но вся беда в том, что точно то же самое путник услышит и в любой из трех, четырех, а то и девяти налич-

ных Православных Церквей! Больше того: то же самое он услышит и у баптистов, и у лютеран, и у пятидесятников, да что там, и у «свидетелей Иеговы» он услышит то же самое, и у кришнаитов! Читай Упанишады, творения наших мудрецов, посещай наши собрания, распевай «харе Кришна», и свет на тебя снизойдет! И что же? Многие действительно так и поступают, и «просвещаются», и распевают, и радуются!

Заметили, в чем тут дело? При таком подходе окончательным судьей оказывается сам вопрошающий — наш путник, любой «я». И в конце концов это именно «я» признаю «православной», или истинной, или спасительной ту Церковь, ту общину, которая мне лично понравилась, где я пережил «просвещение». Что ж, может быть, это не так уж плохо? В конце концов, это так естественно, почти что неизбежно: куда нам деться от собственной субъективности? Но субъективность может быть оправдана, если ты пишешь поэтический цикл о своих путевых впечатлениях. Если же ты, как св. Ириней, озабочен составлением путеводителя ко спасению, субъективность тут не подходит. Необходимы объективные, внешние ориентиры, и католичность, вселенскость этим свойством обладает, а православность — нет.

Как убедиться, что данная Церковь — действительно вселенская? Очень просто: достаточно посмотреть, распространена ли она по всему миру и находятся ли её общины в общении между собой?

Два необходимых признака: распространенность и общение, единство: «Верую во единую... вселенскую...» В том, что Католическая церковь этими признаками обладает, легко может убедиться и христианин, и мусульманин, и даже атеист. А в то, что та или иная Церковь действительно православная, может без зазрения совести верить только член этой самой Церкви.

Притом если сегодня, благодаря масс-медиа, распространенность по всему миру и единство Католической церкви очевидно для каждого, то у св. Иринейя тоже был надежный признак, чтобы в этом убедиться: достаточно было проверить, находится ли данная Церковь в общении со всеми остальными Церквами по всему миру? А в том, что тогдашний мир был достаточно осведомлен о положении дел во всех своих частях, я думаю, никто особенно не сомневается. Стало быть, о том, что Католическая Церковь существует по всему им известному миру, люди более-менее знали. Другое дело, находится ли данная Церковь в общении со всеми остальными? Как это можно было бы проверить? Потребовать у каждого епископа предъявить переписку со всеми остальными епископами мира? Ясное дело, невозможно: никто и никогда не переписывается со всеми. Но это было и не нужно: существовал единый центр, общаясь с которым, ты находился в общении со всеми остальными Церквами. Этим центром была (и остается) Церковь Римская.

Мы видим, таким образом, что роль Римского Епископа — Папы — это роль прежде всего служебная. Титул *servus servorum Dei* — «раб рабов Божиих», который Папы носят начиная с V века, это не просто эвфемизм, но строгая констатация той роли, какую Папа призван играть в Церкви. (С V века, значит, практически с самого начала того времени, когда все возраставшие внешние авторитет и власть папства вполне могли заставить, и нередко заставляли, об этой стороне папского служения забыть.)

Почему католичность означает истинность?

Ну хорошо, допустим, Папа призван и даже действительно справляется со своей служебной ролью единыщего центра для Церкви, распространенной по всей вселенной. Но разве истина зависит от распространенности? Разве не может оказаться так, да и оказывалось неоднократно, что как раз единицы остаются верными истине, тогда как большинство охотно скатывается в заблуждение и ересь? Вот, скажем, прекрасный пример великого святого Афанасия Александрийского, который чуть ли не единственным сохранил правую веру, когда почти все остальные по всей Церкви впади в арианство? Пример действительно пре-

красный, хотя бы потому, что роль Папы он высвечивает тоже в весьма благоприятном свете. Трудно сегодня судить, что помешало — и помешало ли вообще — Папе той поры выступить против арианства с тем же блеском богословской мысли, что и св. Афанасию: недостаток личных дарований или же необходимость считаться с арианским государем, в чьей столице располагался его престол. Одно, однако, несомненно: св. Афанасия Папа неизменно защищал, у себя в Риме укрывал, возвращению его на кафедру в Александрии, с которой Афанасия сгоняли пять или шесть раз, способствовал, и вообще, если бы не Папа, Афанасию просто было бы не выжить. Подробнее об этом можно прочитать в «России и Вселенской Церкви» Вл. Соловьева. Там же обстоятельно разбирается роль Пап в преодолении прочих «великих» ересей первых веков. Но с тем, что Папы первых веков играли благодетельную роль, никто из православных и не спорит: недаром они все за первые лет шестьсот, а некоторые и дальше, т. е. за всю эпоху неразделенной Церкви, признаются святыми в Православной церкви так же, как и в Католической.

Ну ладно, с первыми Папами повезло, и вообще, в первые века вера была куда сильнее, но мы ведь говорим о том, почему сам по себе признак католичности — вселенскости оказывается ручательством правоверия.

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо вспомнить, что такое истина для христианства. Это не

сумма знаний, утверждений, информации. Это — живая Личность, Сам Христос. Знать истину целиком и полностью для человека невозможно. Мы только можем быть причастными истине, причастными Христу через его Тело, т. е. Церковь. Поэтому не Церковь мы должны искать по признаку истинности: у нас для этого нет и не может быть никаких действительных критериев, лишь субъективные переживания, — но истинность должны искать по признаку церковности. Другими словами: не там Церковь, где истина, но там истина, где Церковь. Принцип церковности, т. е. распространенности и единства, в наибольшей полноте воплощен именно в католичестве — это не богословское убеждение, а простой объективный факт. Стало быть, истина также в наибольшей полноте воплощена именно там.

Надеюсь, я выразился достаточно ясно. Я сужу не о том, какая Церковь истинная, какая нет: достоверно судить о божественных истинах нам не дано — не воспринимать их: «Чистые сердцем Бога узрят» (Мф 5,8), но именно судить о них. Я бы не говорил так категорично, если бы не случилось мне встречать чистых сердцем буддистов, настолько просветленных созерцанием божественного (хотя Бога как Абсолют буддизм отрицает!), что мне даже неловко было находиться с ними в одной комнате. Но согласитесь, что никому из нас, из христиан, с буддистскими суждениями о божественном соглашаться не приходится! Так что и я су-

жу не о божественном, но о нашей способности к суждению. Если безошибочно судить о божественном не дано даже самым лучшим из нас, то судить о том, какая церковная община обладает достаточным единством и распространенностью по всему миру, чтобы по праву называться «вселенской», или католической, способен каждый мало-мальски разумный и осведомленный человек.

Бог хочет нашего спасения и счастья, а возможно это только в единении с Ним. Но поскольку для того, чтобы соединиться с Богом, человек не может сделаться Богом, то Бог Сам становится Человеком. Делается для нас доступным.

Точно таким же доступным для нас Он делает и признак, по которому следует Его искать.

Было бы жестокой головоломкой, испытанием в духе сказочных злодеев: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», если бы дело нашего спасения Бог поставил в зависимость от нашей способности распознать «православность» той или иной церковной общины. Зато «католичность» распознать способен любой.

Бог не ждет и не требует от нас, чтобы мы шли туда, где нам открылась истина: *«Он знает состав наш, помнит, что мы — персть»* (Пс 102,14). Больше того, если истина тебе всё-таки уже открылась, то тогда и ходить особо никуда не надо, разве не так? — И тогда правы те, кто говорит: «В Бога верю, в Церковь не хожу!»

Бог ждет и требует от нас, чтобы мы шли туда, где, как мы способны обоснованно судить, истина может нам открыться. И таких точек на свете много, потому как есть одна Церковь, которая поистине объяла собою всю вселенную, и только в силу этого она просто не может не быть истинной, си-речь православной.

Православность католичества вытекает из самого факта его вселенскости. Именно этот факт, доступный восприятию каждого, и выбрал Бог в качестве ориентира для спасения. Вселенскость Католической церкви не оспаривает ни мусульманин, ни буддист, ни даже атеист. Православность «Православия» очевидна только для православных, да ещё, как вы, может быть, удивитесь, для католиков.

Особенно на Западе католики вообще очень любят православных и православие. С тем самым о. Стефано Каприо, с которым так по-хамски обошлись, я познакомился впервые в Сериате, маленьком городке возле Брешии в Северной Италии. Там уже много лет существует община из итальянских католиков, которые так любят православие, что и храм у них обустроен по-православному, с русскими иконами, и литургию они служат св. Иоанна Златоуста, и поют при этом славянские тексты по-итальянски неподражаемо, а в служебниках славянские ектении у них напечатаны итальянскими буквами: «Paki i paki mirom Gospodu pomolimsia!»

Или такой эпизод. В пору моего первого выезда в Европу, в 1989 году, я оказался в городке Медоне под Парижем, где тогда располагалась Славянская библиотека, основанная ещё иезуитом князем Гагариным в девятнадцатом веке. При ней (или она при нем, теперь не помню точно) существовал русскоязычный религиозный центр св. Георгия — с храмом и регулярной литургией по Византийскому обряду. Директор центра, отец-иезуит Рене Маришаль, человек редкостной доброты, какой я не встречал даже у францисканцев, взялся устроить мне поездку в Рим. И вот он звонит туда при мне по телефону с внешней слышимостью, так что я могу следить за разговором:

— Здесь передо мной сидит священник, который хочет приехать в Рим, — говорит отец Рене своему римскому собеседнику.

— Православный? — спрашивает собеседник.

— Нет, католический.

— Жаль! — сокрушается собеседник, — для православного устроить все было бы гораздо легче!

Но дело не только в народных симпатиях и ватиканских настроениях. Такова же и официальная позиция.

Католическая церковь не оспаривает титула «Православная» у восточных церковных общин, потому что, с одной стороны, основы православного вероучения и практики сложились в первую тысячу лет христианства, т. е. в эпоху единой Церкви, и в силу этого они подлинно истинны, а с дру-

гой — сами эти общие основы служат ручательством того, что общение полностью не прервалось и православность этих общин не иссякла. Мы, католики, вовсе не считаем своих разделенных восточных братьев полностью заблудшими и пропащими, напротив, признаем, что в православии неповрежденно сохраняются изобильные сокровища Божественного Откровения и благодатной жизни в таинствах. Именно такова официальная позиция нашей Церкви, с какими бы иными личными позициями у отдельных католиков вам ни довелось столкнуться (см. об этом, например, Декрет об экуменизме «Unitatis redintegratio» II Ватиканского собора, где глава, посвященная отношению к православным Церквам, называется «Об особом уважении к Восточным Церквам»).

Но, с другой стороны, Католическая Церковь никогда не отрекалась и от собственной православности: в начале I Евхаристической молитвы («Римского канона») после упоминания Папы и Предстоятеля данной поместной Церкви говорится обо всех *православных* исповедниках католической и апостольской веры: «Et omnibus orthodoxis atque catholicæ et apostolicæ fidei cultoribus», — и даже от собственной православности по преимуществу (о чем см. в том же Декрете об экуменизме).

Потому и Папа Пий XI сказал:

— *I giusti ortodossi siamo noi!*¹

¹«Подлинные православные это мы» (ит.).

1054 год

Первую тысячу лет христианства в этом никто и не сомневался. Не существовало и нынешнего искусственного противопоставления «православно-го» «католическому», поскольку даже термины *katholike* и *orthodoxis* употреблялись как равнозначные, и первый даже, как уже отмечалось, много чаще и в более значительном контексте, например в Символе веры. Невзирая на неоднократные расколы — Несториев, Акакиев и особенно Фотиев в IX веке, когда, собственно, и была в основном выработана контркатолическая аргументация, которую в дальнейшем использовал Михаил Керуларий, в целом единство сохранялось, хотя бы только в форме признания примата Папы в качестве «первого среди равных». Сомнительно, чтобы такая формулировка воспринималась тогда аналогично нынешнему «первенству чести», признаваемому православными за Константинопольским патриархом. Из этого «первенства» не вытекают ни особый вероучительный авторитет, ни тем паче какие-либо властные относительно других Церквей prerogatives. Папы вели себя не так. И по вопросам вероучения, и по вопросам церковной дисциплины они высказывались неоднократно, ясно, прямо и авторитетно. Ещё при жизни св. Апостола Иоанна Богослова, в I веке, Папа св. Климент Римский пи-

шет Коринфской церкви строгое пастырское послание, содержащее упреки и увещания. И Коринфская церковь, расположенная гораздо ближе от Эфеса, где в то время проживал св. Апостол Иоанн, нежели от Рима, не возмущается «самовластием» Папы, не апеллирует к Апостолу, не жалуется на «вторжение на чужую каноническую территорию», но восторженно принимает папское послание, которое затем в Коринфе долгое время читалось на богослужении наряду с текстами Священного Писания.

Во II веке Папа св. Виктор по вопросу времени празднования Пасхи грозит восточным ослушникам отлучением, и только заступничество авторитетных исповедников удерживает его от этого шага. При этом исповедники не ставят под сомнение правомочность Папы принимать такого рода решения, но лишь взывают, и успешно, к его милосердию. (Окончательно римский порядок исчисления пасхалий был принят в Церкви повсеместно в результате решения Никейского собора в IV веке — о пасхалиях и календаре см. ниже.)

Я ограничусь этими примерами, хотя таких же, и ещё более выразительных, можно привести множество (желающие их найдут все в той же выше-названной работе Владимира Соловьева).

Достаточно красноречива даже сама форма разрыва 1054 года, оказавшегося фатальным. Существа спора мы касаться здесь не будем: я пишу не историческое исследование и не богословскую

оценку — все это делалось уже столь же неоднократно, сколь и бесплодно. В булле об отлучении, которую легат папы Льва IX, резкий нравом кардинал Гумберт де Муайенмутье возложил на алтарь константинопольского собора Св. Софии во время богослужения, патриарх Михаил Керулларий обвинялся в симонии, в том, что занял патриарший престол незаконно, путем злоупотреблений, и во многом ещё (интересная деталь: историки в дальнейшем выяснили, что к этому моменту Папа Лев IX скончался и, стало быть, полномочия его легата Гумберта истекли). У патриарха Керуллария была на все на это, разумеется, собственная точка зрения. Не уступая нравом Гумберту, сразу затем он собрал в Константинополе «собор» и в ответ отлучил Папу.

Самая форма этого конфликта, на мой взгляд, свидетельствует, что стороны не воспринимали себя равными. Как ведут себя равные, видно хотя бы на примере недавнего конфликта между Московским и Константинопольским патриархатами по вопросу о юрисдикции Эстонской православной церкви (а точнее, по вопросу о распоряжении её имуществом: в Эстонии, в отличие от России, была проведена справедливая реституция разграбленного большевиками). Никто никаких анафем не произносил, а только лишь в Москве, причем, если не ошибаюсь, в одностороннем порядке, было заявлено то ли о прерывании общения, то ли об угрозе такого прерывания с Константинополем, если...

Словом, равные ссорятся, а не осуждают и не бунтуют.

Москва не подчиняется Константинополю дисциплинарно и не зависит от его вероучительного авторитета. В рамках сложившейся в Восточном Православии системы у Константинополя нет ни малейших рычагов легитимного давления. Поэтому Москве для защиты собственных интересов нет нужды в столь радикальных мерах, как возмущение, отпадение, отлучение, — с тем, за кем признается только «первенство чести», они попросту не нужны. Достаточно пригрозить прерыванием общения. То, что Керулларий таким паллиативом довольствоваться не мог, как раз и говорит о том, что за Римом признавалось отнюдь не только такое первенство.

«Первенство чести» вытекает, в частности, из простого факта старшинства по древности — обстоятельства в Церкви немаловажного. Римская кафедра существует с I века, от Апостола Петра, тогда как самый город Константинополь был построен императором Константином только в IV в. и долгое время собственного патриарха не имел. Константинополь, разумеется, гораздо старше, чем Москва, поэтому его «первенство чести» Москвою признается, хотя не безусловно: «Третий Рим»! Другое дело — первенство влияния. Здесь у Москвы уже который век значительный приоритет, и прагматической Москве, похоже, этого довольно.

У Папы с Керулларием спор шел не о первенстве чести, но о первенстве влияния (хотя и честь в те времена ценилась много больше, чем сейчас). Самостоятельно распоряжаясь в подвластных императору владениях (к XI веку существенно урезанных), Керулларий был полностью солидарен с императором в желании отстранить здесь от влияния чужеземцев из ставшего далеким Рима.

Византийские власти так или иначе терпели вселенский авторитет Римского епископа, покуда Рим признавался частью собственной империи, будь то фактически, юридически или хотя бы ностальгически. Но к XI веку, после «Римских» империй Карла Великого и Оттона I, византийские претензии на светскую власть над Римом стали очевидно иллюзорными для всех. И как реакция — отказ Византии признавать духовную власть Рима, которая доселе, повторимся, так или иначе признавалась — иначе папских легатов просто на порог бы не пустили, а не то что позволять им буллы возлагать на алтари!

Поскольку спор о власти, то восстающий против этой власти тем самым признает её существование. Если бы её не было, то нечего и восставать, достаточно нелепые претензии проигнорировать.

И если даже, как многие считают, римские претензии на власть во всей вселенской Церкви, и в частности над Константинополем, были нестерпимо преувеличенными, то ведь Константинополь ни на какую власть над Римом (не над Востоком) ни-

когда и не претендовал! Так кто же на кого восстал, старший на младшего? Кто от кого отделился, первый от непервого? Вопрос не праздный, вековая пропаганда своё дело сделала.

В эпитафии к данной статье даже пронизательнейший Иосиф Бродский говорит, что «Западная Церковь отделилась от Восточной»... Помилуйте! Не старший отделяется от младшего, не большее от меньшего, — а Западная, вернее, Католическая церковь, простираясь от Португалии до Скандинавии, была заметно больше уже тогда, тем более в дальнейшем, когда Восточная так страшно съежилась: в непосредственной юрисдикции Константинопольского патриарха сегодня всего три тысячи верующих — скромных размеров католический приход где-нибудь в Польше или в Украине.

Не стоит говорить об этом давнем происшествии подробнее. Не так уж важно нам сегодня, кто был больше виноват в той междуведомственной «разборке», в том межюрисдикционном, не побоюсь сказать: обоюдном! — хулиганстве. Куда важнее, на мой взгляд, тот факт, что эта, вовсе не воспринимавшаяся поначалу как окончательный разрыв, «хулиганская» история так затянулась — на добрых (недобрых!) девятьсот лет, пока 7 декабря 1965 года, накануне закрытия II Ватиканского собора, Папа Павел VI и Патриарх Константинопольский Афиногор в совместном и торжественном заявлении не сняли взаимных отлучений. Тем самым было восстановлено самое главное — евхари-

стическое общение. Было разрешено, хотя бы на определенных условиях, взаимопричащение восточных православных и католиков, и эта практика распространилась повсеместно. В Русской православной церкви её придерживались до начала 90-х, т. е. фактически до освобождения, но потом официально приостановили. Почему?

Из-за событий в Западной Украине!

Не станем разбираться, кто там был прав, кто нет. (Мне-то проблема представляется предельно ясной, и об этом я скажу в своё время. Но свою точку зрения я вовсе не навязываю). Дело в другом. Здесь, уже в который раз, со всею очевидностью проявляется тот факт, что основания нашего раскола не богословские, но сугубо политические.

С 1965 года и до начала 90-х богословские расхождения никуда не исчезали, так и сохранялись, однако не мешали взаимопричащению. Но стоило возникнуть политическим разногласиям — и нате вам!

Так оно, собственно, и было на протяжении веков: чувствует Византийский кесарь себя уверенно — раскол! А зашаталась империя — сейчас бегом на Запад, примиряться: Лионский собор (1274), Флорентийский собор (1439), и никакое *filioque* не мешает! А те, кому на тот момент турки не угрожают — великий князь Московский, например, — тотчас участников того собора — да в подвал! Поскольку — ишь, чего удумал! Мою домашнюю ручную Церковь на Скалу-Петра опереть? Что

ж потом, правнучку моему, Ивану свет Васильичу, уже и митрополита Филиппа не казни, на Папу там какого-то оглядывайся? Дудки!

О том, что хулиганская история 1054 года была воспринята как окончательный разрыв не сразу, свидетельствует многое.

Во-первых, те самые Крестовые походы, на которые так любят нарекать сегодня братья-православные, начались-то по инициативе константинопольского императора! Это по его просьбе Папа Урбан II провозгласил в 1095 году крестовый поход против мусульманских захватчиков на соборе в Клермон-Ферране. Турки к тому времени захватили не только Палестину и Иерусалим, но и всю Переднюю и Малую Азию и угрожали непосредственно Константинополю. Крестоносцы наголову разбили турок, освободили всю Малую Азию и вернули её Византии, а основанные в Передней Азии Иерусалимское королевство и сопредельные христианские государства признали над собою суверенитет Константинополя, т. е. стали его вассалами. Как видим, на то время восточные и западные христиане отнюдь не видели друг в друге еретиков. (Не то что позже: «Лучше нам турки, чем Папа!»)

Дальнейшая история Крестовых походов протекала куда печальнее, и нарекания православных относительно хотя бы четвертого вполне, конечно, справедливы. Но надо же смотреть на всю историю в целом! Сегодня, повторяю, не так важно,

«кто первый начал», нежели то, когда мы, наконец, закончим!

Стоит сослаться и на то, что другие Восточные Церкви отнюдь не сразу втянулись в орбиту константинопольской антиримской политики.

Грузинская церковь, например, сохраняла и поддерживала живое общение с Римом ещё двести лет, до самого монгольского нашествия: об этом сохранились многочисленные памятники, свидетельства и документы, собранные и опубликованные в начале прошлого века грузинским католическим священником Михаилом Тамарашвили. (А монголы — это богословское препятствие к общению или политическое?)

Но не только о Грузии речь. Та же Русская Церковь, невзирая на сугубую зависимость от византийской иерархии, разрывать общение с Римом не спешила. Так, праздник Перенесения Мощей св. Николая Мирликийского, установленный Папой в 1070 году (т. е. спустя целое поколение после разрыва), был принят Русской церковью и празднуется до сих пор, тогда как у греков его нет.

Так же и прочие Церкви на Востоке — Антиохийская, Александрийская, Болгарская, — вошли в раскол не сразу, но постепенно. Везде был светский государь, который рано или поздно понимал преимущества владеть своей ручной домашней Церковью, будь то болгарский царь или великий князь Московский; а уж турки в Антиохии да в

Александрии как обрадовались! — и радуются до сих пор.

Такие государи и на Западе водились: германский император Генрих IV, французский король Филипп Красивый: все они боролись с Церковью с переменным успехом, но окончательно подавить и подчинить её себе так и не смогли. Ибо когда Церковь утверждена на Скале Петра, «врата ада не одолеют её» (Мф 16,18).

Ну а мы? Долго ли ещё нам «турок» радовать?

Чуть-чуть о ересях

Легко могу себе представить, что мои слова о нашей неспособности судить о божественных истинах далеко не всем покажутся справедливыми:

— Это нам, грешным, не дано о божественном судить, а вот Святые Отцы!.. Их и надо слушать, а не всяких там католиков!

Но давайте задумаемся: а что, собственно, делает Святых Отцов Святыми Отцами?

Познания? Премудрость? Проницательность?

Конечно же, нет! Познаний, проницательности и премудрости не занимать было и многим еретикам. Тогда что же?

Как «что»? Разумеется, святость!

Вот именно. Но в чем же эта святость выражалась? В особых подвигах благочестия, аскезы,

самоотверженности, даже самопожертвования? Да, без аскезы и самоотверженности, а то и самопожертвования дело, как правило, не обходилось, но одной аскезы и самопожертвования, как ни странно, мало.

Вот два разительных примера: Тертуллиан и Ориген. Отцами Церкви они числятся — слишком огромен их вклад в развитие христианского богословия, а вот Святыми Отцами — нет. Почему?

В познаниях, премудрости и проницательности их не превосходил никто; в аскезе, самоотречении и самопожертвовании они превосходили многих.

Тертуллиан в ересь донатистов потому и впал, что обычная церковная практика аскезы ему казалась недостаточной, хотелось большего; а Ориген в своем самопожертвовании и рвении дошел до самооскопления, а умер из-за пыток, каким его подвергли за веру во Христа. Но оба признаны еретиками, или, точнее говоря, в их сочинениях, наряду с бесспорными и изумительными достижениями, во многом легшими в основу богословия Церкви — потому и Отцы Церкви! — содержатся и еретические элементы.

Так вот, положи руку на сердце, беретесь ли вы сами, индивидуально, различить в сочинениях Оригена и Тертуллиана еретический элемент от православного? Я лично — нет. Я потому принимаю те или иные утверждения как достоверные и православные, что мне ручается за это Церковь. А еретик — потому еретик, что ручательство Церкви

для него не выше собственного мнения (в этом смысле Ориген не еретик: он, если не ошибаюсь, умер до того, как Церковь определенно оценила его суждения).

Вспомним, что первоначальное значение слов «ересь» и особенно «секта» (от лат. *sectare* — «резать, разделять, ампутировать») не «заблуждение», а именно «разделение». Т. е. не потому еретик отпадает, что заблуждается, но заблуждается потому, что отпадает. Отпав, он неизбежно отсекает себя от источника истины, и какими бы ни были его таланты и достижения — а ересиархи, как неоднократно отмечалось, люди нередко весьма незаурядные, — как бы ни выглядели убедительно его доводы, рано или поздно скажется человеческая неполнота и обнаружится заблуждение. Это подобно тому, как если отрезать кусок от живого организма: каким бы благородным и самостоятельным он ни выглядел поначалу, в дальнейшем, оторванный от живого целого, он неизбежно протухает и смердит. Истина не червяк, чтобы безнаказанно переносить деление.

Отсюда следует очень важный вывод: недопустимо не заблуждаться, а отпадать.

Запрет на заблуждения способен полностью блокировать всякую свободную мысль, всякое исследование. Ведь как ещё можно было бы запретить человеку заблуждаться? — Это же все равно, что запретить ему падать, когда он поскользнется. Запретить падать невозможно; зато вполне воз-

можно запретить хождение. Многие так и поступали — католики заметно больше, чем другие, потому что и возможности у нашей Церкви, и стало быть, у иерархии, были с другими несравнимые, — и с катастрофическими последствиями. А было так потому, что не понимали: грех и вина не в заблуждении, не может человек не заблуждаться; грех и вина в отпадении. Когда ты свои мысли, убеждения, достижения, не важно даже, истинные или ложные, ставишь выше единства с источником истины, Христовым Телом — Церковью. Какими бы ни казались убедительными твои утверждения, без единства с источником истины, без подпитки живую кровью рано или поздно они протухнут.

Трудно найти более показательный, причем во многих отношениях, пример на эту тему, нежели пример Галилея. Поэтому позволю себе ненадолго на нем остановиться.

Так кто же всё-таки вертится?

*E pur si muove*¹ — знаменитые слова Галилея, которые он якобы произнес после того, как под давлением церковных властей (в виде весьма реальной угрозы костра!) публично и торжественно отрекся от своих астрономических убеждений. «Якобы» потому, что если он их произнес наедине

¹«И всё-таки она вертится!» (ит.).

со своей совестью, то кто же их тогда предал огласке? А не наедине — неужто бы решился?

Но, как бы там ни было: допустим, произнес. Вопрос в другом: был ли он прав? Причем не в том, что отрекался или что сложил эдакую фигу в кармане: за то, что отрекался, пусть его судят те, кто с честью пережил реальную угрозу костра; что до фигуры, то кто из нас не держал её в кармане все годы советской власти? Нет, дело в том, был ли он прав относительно того, кто именно вертится.

— Как?! — слышу возмущенное. — Что значит: «Был ли прав»? Вся современная астрономия построена на системе Коперника—Галилея, и даже ваш любимый Папа Иоанн-Павел был вынужден не так давно признать, что с Галилеем у вас того... ошибка вышла!

Что же, действительно признал. Правда, по мнению многих, недостаточно определенно, слишком расплывчато, обтекаемо. А по мне — в самый раз.

Ошибка была в том, что Галилея обвиняли в заблуждении, и обвинения не сняли даже после того, как он — насколько искренне, не важно, во всяком случае, юридически определенно и достоверно отрекся от своих воззрений, показав тем самым, что отпадать от Церкви не собирается. Неправильно было добиваться таких результатов с помощью угрозы костра; неправильно и то, что заблуждение само по себе ставилось в вину. После того, как Галилей публично продемонстрировал свою лояль-

ность Церкви, его следовало отпустить на все четыре стороны. Вместо этого остаток жизни он провел пусть под очень комфортабельным и домашним — на вилле своего друга-князя, — но всё-таки арестом. Что делать, таковы были тогда нравы, всеобщие представления о справедливости и правосудии. При этом Церковь, вопреки распространенным со времен Вольтера взглядам, отнюдь не выступала «застрельщиком» в жестокостях, но, напротив, проявляла значительную мягкость по сравнению с обычным правосудием (исключение составляла разве что Испания, где в ходе реконкисты Церковь чрезмерно срослась с государством¹). В ходе инквизиционных процессов пытали и жгли гораздо меньше, чем в ходе светского уголовного правосудия. Это, конечно, не оправдание; то, что жгли не только за ересь, но и за подделку документов, что фальшивомонетчиков варили в кипящем масле, а обыкновенных воров не только вешали, но, бывало, и колесовали: это когда человека привязывают к большому деревянному колесу горизонтально и вращают, а палач бьёт его чем-то вроде железного лома, ломая все кости, пока не забьёт до смерти; все это, повторяю, не оправдание. Но сам факт, что погруженность в мир и адекват-

¹Правда, как я недавно узнал, даже в Испании обычные уголовные преступники притворялись еретиками, чтобы перейти в юрисдикцию инквизиции, где условия содержания были гораздо мягче, а судопроизводство справедливее, нежели в светских процессах.

ность окружающему миру в наших глазах не оправдание для Церкви, свидетельствует, что мы ждём от нее надмирного поведения и, значит, признаём её надмирные истоки.

Действительно, никто ведь не ставит сегодня в упрек уголовному праву его былые жестокости! А медицина? Как-то я побывал в медицинском музее в городе Брюгге: что за чудовищные орудия пыток там демонстрировали! А были это на самом деле средневековые медицинские инструменты; и ведь никакого наркоза! А знаете, как ещё в XVIII веке пациента готовили к операции? Били специальной деревянной лопатой по голове, чтобы потерял сознание! И что же, кто-нибудь упрекает за это сегодня врачей?

Но с Церковью — дело другое. Нам невыносимо думать, что людей мучили и жгли во имя Христа, пусть даже среди них и попадались подлинные злодеи — это Вольтеру вольно́ было не верить в колдунов и ведьм, сегодня люди относятся к этому по-другому. Но ужасно и неправильно жечь даже колдунов, тем более, что, взяв это за привычку, однажды вы сожжете Жанну д'Арк...

— Что, «МЫ»? Почему это «МЫ»? Это вы, а не мы! А мы...

— А что вы? Напомнить вам, что ли, Аввакума? И если даже в Российской империи еретиков и колдунов жгли действительно нечасто — а «раскольники»-старообрядцы, избавляя власти от лишней докуки, жгли себя сами, — то в Византии ере-

тиков истребляли десятками тысяч: например, императрица Ирина — павликиан... А протестанты? Одно время в Германии преследование ведьм достигло такого размаха, что в иных городах все женское население было изведено начисто. А Кальвин, ополовинивший Женеву и отправивший на костер выдающегося медика Сервета? А французские гугеноты, которые, прежде чем дожить до Варфоломеевской ночи, истребили столько католиков, что один из их вождей носил на шее ожерелье из ушей, отрезанных у убитых им священников? А либеральная Америка, где в конце XVII века были выявлены и казнены десятки так наз. «салемских ведьм»? (Одна из них, католичка, была осуждена за то, что умела читать «Отче наш» на латыни). И сколько ещё можно длить этот список? Генрих VIII, казнивший за верность Католической церкви своего воспитателя св. Томаса Мора, и не его одного? «Кровавая Мэри», его дочь, казнившая многих за противоположное? Или её не менее кровавая сестрица Елизавета, при которой католических священников вешали только за то, что они служили мессу? Но её партия победила, и потому она, воспетая Шекспиром, благополучно оставила пользоваться титулом «кровавая» своей сестре... Так что, увы, в этом вопросе, к великому несчастью, нам не приходится делиться на «мы» и «вы». Все хороши, все запятнаны...

...Что с этим делать? Не знаю. Понять? Невозможно. Оправдать — ещё меньше. Простить? А

кто я, чтобы прощать, меня-то не вешали и не жгли!

(Святая Жанна д'Арк — её канонизировали больше ста лет назад — наверняка простила своих мучителей. Что ж, уже немножко легче...)

Остается только смириться перед выбором: либо Церкви на земле нет вообще, либо всё же искать её среди тех, что имеются в наличии, веря, что Бог Всемогущий способен и хочет нас освящать и вести вопреки всем нашим слабостям, грехам и преступлениям. Но тогда, если в этом отношении мы друг от друга ничем не отличаемся, то вся предыдущая аргументация относительно католичности остается в силе.

Однако вернемся, наконец, к Галилею.

Так кто же всё-таки вертится?

(продолжение)

Ошибка с Галилеем состояла также не в том, что Церкви не подобает судить о сугубо научных, в том числе астрономических, вопросах. Церковь об этих вопросах в деле с Галилеем и не судила. В своем решении кардиналы курии, разбиравшие казус, опирались на заключение экспертов, т. е. ученых-астрономов (Папская академия и покровительство науке появились в Католической церкви не вчера).

Заключение экспертов строилось не на сервисизме: «Чего изволите-с», а на анализе фактов. Факты же были таковы: к тому времени, как известно, господствующей в астрономии была доктрина Птолемея — греческого, кстати, языческого ученого — астронома и математика. Согласно этой доктрине, Солнечная система представляла собою совокупность обращающихся вокруг Земли объектов: Солнца, Луны и планет. Орбиты этих объектов выглядели как весьма сложные кривые, которые назывались «эпициклами», но поддавались, однако, хоть и весьма сложным, но точным расчетам. Таблицы эпициклов, т. е. движения планет, затмений и т. д., были составлены на основании этих расчетов на много лет вперед и всегда неизменно подтверждались наблюдениями — факт номер один.

Галилей вслед за Коперником предложил считать неподвижным центром Солнечной системы не Землю, а Солнце и рассчитывать движение планет, исходя из этого предположения. Расчеты при этом неимоверно облегчались — факт номер два.

Но вот беда — вскоре за этим состоялся факт номер три: затмение, которое произошло не тогда, когда должно было согласно расчетам Галилея, но в точности тогда, как полагалось согласно расчетам Птолемея.

Исходя из этого факта, эксперты признали систему Галилея несостоятельной. Кардиналам оставалось только принять это ученое заключение к

сведению, ибо действительно не дело Церкви выносить самостоятельное суждение по сугубо научным вопросам.

Сегодня известно, что Галилея подвела недостаточная осведомленность. Он полагал орбиты планет круговыми, тогда как на деле планеты движутся по эллипсам. Знать этого он тогда не мог: лишь полтора года спустя этот факт установил Иоганн Кеплер. Вот эта разница между кругом и эллипсом и сделала расчеты Галилея несостоятельными.

Но Церковь в конце концов интересовало вовсе не то, по круговым или по эллиптическим орбитам движутся планеты, и не точные даты затмений. Речь шла о другом: если Земля — не неподвижный центр мироздания, если человек обитает не в самом центре вселенной, а где-то на её задворках, то как же тогда верить, что Всемогущий, Вездесущий и Необъятный Творец интересуется такими провинциальными пустяками? Как верить, что Сам Сын Божий не нашел ничего лучше, чем воплотиться в эдаком захолустье? Вот такая мысль замаячила в общем сознании! Пусть с наибольшей силой поразила она мозги несчастного безумца Джордано Бруно, который прямо вопрошал: «Что же, если Земля расположена на окраине огромнейшей вселенной, то неужели больше нигде не найдётся человеческих существ? А если они есть где-то ещё, то неужели же Христос воплотился на каждой населённой планете? Сколько же раз пришлось

Ему воплощаться?» — но и высокоучёный Галилей, и кардиналы курии не могли не оценить мировоззренческих последствий этих, казалось бы, сугубо естественно-научных построений. Нет, Галилея обвинили не просто в ложной астрономической доктрине, но в онтологической ереси: он посмел, пусть косвенно, посягнуть на роль человека как венца творения.

При этом и кардиналы курии, и Галилей, и Бруно были солидарны в одном: они по-детски произвольно связывали размеры и значение. Для них — как и для всех нас, если не делать над собой усилия, «больше» естественно значило «важнее», а к тому же «важный» ведь значит ещё «неподвижный». Ну сами посудите, вот важный король, император или же сам Папа восседает неподвижно на троне, а все остальные, менее важные, с той или иной скоростью «вертятся» вокруг него, и чем менее важные, тем быстрее. (Та же картина и сегодня: начальник сидит в кабинете, остальные бегают.) Естественно отсюда вытекает, что если человек — венец творения, то и жить ему подобает в самом центре мироздания, на огромном неподвижном шаре (что Земля — шар, хорошо знал уже Птолемей), а все остальное: Солнце, Луна и звезды — обращается вокруг него по небесной тверди, исполняя хоть и весьма причудливый, но по-своему изящный и вполне математически описуемый танец «эпициклов». Ни Галилей, ни кардиналы не догадывались, что в физическом мире аб-

солютного центра обнаружить попросту невозможно: для этого нужно было дожидаться Эйнштейна.

Суть теории относительности в этом и заключается: невозможно указать во всей вселенной абсолютной точки отсчета, места абсолютного покоя. Всякое движение должно рассматриваться и описываться относительно какой-либо произвольно выбранной точки, в которой располагается (хотя бы мысленно) наблюдатель, и в зависимости от этого описание движения может весьма существенно меняться. Выбирает эту точку наблюдатель, как правило, исходя из соображений удобства. Описывать взаимоперемещение Солнца и Земли, беря за точку отсчета Солнце, а не Землю, значительно удобнее, расчеты неимоверно упрощаются, это так. Но «удобнее» вовсе не означает «на самом деле». Никакого «на самом деле» физика не знает. Если мы при описании движения Земли и Солнца берем за точку отсчета Землю, у нас выходят вот такие формулы. Если же Солнце — вот такие. Они гораздо проще? — Споры нет, радуйтесь. Но эта простота отнюдь не означает, чтобы Солнце само по себе было «центральной», или «неподвижной», тем паче «важней», нежели Земля. Никакого «центральной», «неподвижной», «важней» в природе не наблюдается. Это понятия не физические, а психологические, персональные. Или, как говаривал один мой друг, «в космосе нет ничего ни большого, ни круглого, ни тёплого, ни зелёного. В космосе всё нормально».

Очень хорошо понимаю, как непросто усвоить такую точку зрения («точку отсчета»!). Это что же, выходит, все равно, то ли я иду мимо дома, то ли дом — мимо меня? «Ехала деревня мимо мужика»?!

Да, мужик, разумеется, считает, что это он едет, а не деревня, потому что ясно чувствует, как тратит на эту езду силы свои и своей лошадки. Но физик с таким же успехом может сказать, что эти самые силы мужик тратит («прикладывает») на то, чтобы заставить деревню ехать мимо себя! Смотря что взять за точку отсчета, деревню или мужика!

Мужик, как правило, берет за точку отсчета деревню, поскольку считает её больше, увесистей и, пожалуй, важнее себя. А сочти он наоборот?

Что? Вам трудно представить себе такого мужика-параноика? А я покажу вам его очень близко, буквально в зеркале. Вспомните, как вы воспринимаете вид из окна поезда: мимо мелькают столбы, переезды, домишки, полянки, перелески... Они мелькают, а не вы! Ну да! Сил вы не тратите, большую часть поля зрения занимают неподвижные предметы купе, вот и естественно вам ощущать, что мелькает по ту сторону окна, а не по эту. А хотите заставить всё мироздание закружиться вокруг себя? Нет ничего проще! Встаньте посреди комнаты и крутанитесь вокруг своей оси, сколько можете! Что, головка закружилась? Ещё бы! Какое это — весь мир вокруг себя крутить! Недаром теория Эйнштейна произвела в своё время такую сенсацию!

Причем парадоксально, что базу для этой теории заложил не кто иной, как сам Галилей. В одном из своих сочинений он описывает следующий мысленный эксперимент. Представим себе, что мы находимся в просторном закрытом помещении внутри корабля, который движется совершенно прямолинейно и равномерно (т. е. ни порывов ветра, ни качки, — ну, представим!). Так вот, пока мы находимся внутри этого помещения, у нас нет ни малейшей возможности убедиться, движется корабль или же стоит на месте. Как ни прыгай, ни бегай, ни бросай всякие предметы, ничто нам не подскажет, что происходит с самим кораблем. Для этого необходимо выглянуть и посмотреть, что происходит вокруг. Что это значит? Да то, что никакого абсолютного движения и неподвижности природа не знает. О всяком движении мы можем говорить лишь относительно какой-то точки, которую мы приняли за точку отсчета. Вот что ясно сформулировал сам Галилей, но не сделал отсюда тех выводов, которыми Эйнштейн затем так поразила наше воображение (включая парадокс о разнотекущем времени).

Понадобилось ещё триста лет развития науки, понадобилось, в частности, чтобы так называемые преобразования Галилея (да, снова Галилея! Какая шутка Божия!), т. е. математические формулы, относящиеся к равномерному прямолинейному движению, были развиты в «преобразования Лоренца», относящиеся уже к движению ускоренному —

ими воспользовался Эйнштейн, — и, разумеется, много чего ещё; но, я думаю, подробности здесь неуместны.

Конечно, Галилей не смог сделать всех так далеко идущих выводов из своих собственных исследований и экспериментов, чему свидетельством сама его знаменитая фраза про «вертится». Судя по ней, он полагал, что Солнце — абсолютный (или хотя бы более абсолютный, нежели Земля) центр движения. Мы же убедились (Эйнштейн убедил), что никаких абсолютных центров в физическом мире искать не приходится. Не потому Бог воплотился на Земле, чтобы здесь находился центр мироздания. Центр мироздания находится на Земле потому, что здесь воплотился Бог. Мы убедились, что точку отсчета выбирает наблюдатель. Наш Наблюдатель избрал Своей точкой отсчета именно нас.

Мне показалось необходимым так долго задержаться на этой теме не столько для того, чтобы показать, что обвиняли Галилея зря, что не мог он своим «вертится» посягнуть на роль человека как венца творения, как это выяснилось через триста лет. Гораздо более важным представляется мне то, что на этом примере с особой наглядностью видно, как рискованно даже ради самых убедительных и очевидных аргументов и представлений отрываться (и отрывать кусок истины) от живого тела Церкви: самые благородные (и аппетитные!) куски, как

мы уже отмечали, рано или поздно с неизбежностью протухнут, хотя бы даже триста лет спустя.

И потом, так ли уж «мракобесны» традиционно христианские и даже ветхозаветные космогонические представления? Кто не замечал удивительных параллелей между рассказом книги Бытия о сотворении и современными эволюционными теориями (а кто не замечал, пусть почитает о. Тейяра де Шардена)? И разве не в книге Иова сказано: «Повесил землю ни на чем» (Иов 26,7)?

Кто кого учит?

— Действительно, Библия, в конце концов, это общехристианское наследие, а если Церковь — Тело Христово, то и причастна истине она вся целиком, а не один лишь ваш властолюбивый Папа!

Что ж, давайте остановимся на том, кто в Церкви причастен истине и кто её призван особым образом выражать.

Церковь — тело? Но если мы рассмотрим обычное человеческое тело, то мы увидим, что в определенном смысле причастны, так сказать, «истине», все его члены и органы. Руки владеют навыками рукоделия, ноги — навыками ходьбы, а печень, почки, сердце, легкие владеют такими навыками, которых до конца ни один физиолог себе не представляет! Но всё-таки сознание, как таковое, со

всеми мыслями, эмоциями и чувствами, никто не связывает целиком со всем телом, с руками, ногами, волосами и ногтями, но всё-таки привязывает его к определенному центру, определенному органу: к сердцу, как Библия, к мозгу, как современная цивилизация, и даже к печени, как тайцы — есть восхитительная тайская пословица: «Если носорог влюбляется в луну, он зря тратит цветы своей печени».

В том-то и дело, что в любом совокупном действии необходимо наделить особой ответственностью кого-то одного, любому телу необходима голова, любой группе — глава, иначе получается ерунда.

— Но позвольте, разве в православии мы безголовые? Разве не признаем авторитета священноначалия, епископата, Патриарха?..

Не спорю, авторитет священников, архиереев и Патриарха в православии неоспорим. Вопрос, однако, в том, каковы пределы и значение такого авторитета. Ручку священнику целовать и испрашивать при каждом случае: «Благословите, батюшка!» — это одно. Воспринимать указания священноначалия как исходящие от выразителя непогрешимой истины — совсем другое. Я здесь не говорю об отдельных до фанатизма преданных своим духовниками либо «старцам» индивидуумах — их единицы. Не говорю, конечно, и о тех, кто вынужден подчиняться вышестоящим по иерархии просто в силу своей дисциплинарной от них зависимости, т.

е. о церковнослужителях. Вот, кстати, о церковнослужителях. Довелось мне как-то, лет тому семь или восемь, присутствовать в Москве на встрече, которую проводил один авторитетный православный священник, работавший до этого за границей. Среди многих действительно интересных и важных вещей он сказал буквально следующее:

— Носителем истины в Церкви является весь народ Божий. Поэтому, если иерархия ошибётся, народ её поправит.

Я еле удержался, чтобы не завопить: «Что ты, отче?! За что же тогда народ тебя содержит, ризы раззолоченные покупает, командировки заграничные оплачивает, если при этом сам же и учить тебя должен? Что это за стадо, где овцы вынуждены сами пасти пастырей? И кому нужны такие пастыри?!»

Вопить я всё-таки не стал. Тем более что пастырь этот отнюдь не одинок: случалось мне встречать подобное и в писаниях видных православных авторов, и в народных лубках (в забавной повести о том, почему латинское духовенство бритое), и в личных наблюдениях, и, кстати, «Сказка о попе и работнике его Балде» разве не свидетельство того же отношения к пастырям, которых именно стаду, народу, приходится пасти и вразумлять?

А преклонение перед «народушкой» в XIX веке, то преклонение, которое привело к октябрьской катастрофе в веке XX, разве не из того же источника — что Церковь безголовая?

— Как, опять «безголовая»? Довольно! В конце концов, у Церкви есть один Глава — Сам Христос, и другой головы нам не надо!

Оно, конечно так; но как удачно заметил кто-то, «глава жены муж (ср. 1 Кор 11,3), но это ведь не значит, что у жены не должно быть своей головы на плечах».

А иначе она рискует перепутать и променять своего Небесного Жениха на земного мужа — государство. Так у нас и случилось. И потому неудивительно, что в целом на Руси Церковь воспринимается прежде всего как некое этно-культурное, этно-государственное образование: «наша русская вера»! А коли так, то и относиться к ней следует по-свойски: и ручку батюшке поцеловать, и свечку в храме запалить, и на ризы золоченые по возможности пожертвовать, и даже послушать, что там батюшки говорят, но слушать-то слушать, а вот слушаться — увольте! С какой стати? Все равно, раз вера наша, никуда она от нас не денется...

Я не преувеличиваю: если бы люди своих пастырей не только слушали, но и слушались, в Москве на Пасху в православных храмах собиралось бы не по девяносто-сто тысяч человек, как в последние годы, что выходит меньше одного процента от населения православной столицы, а — сколько?.. Ну хотя бы столько же, сколько в жизнелюбивом Париже: раз в пятнадцать-двадцать больше (собственно, 15 % французов ходят на мессу и каждое воскресенье, а не только на Пасху).

И зря наш Патриарх каждый раз не забывает подчеркнуть, что, дескать, у нас, у православных, главный праздник Пасха, а у католиков, мол, Рождество. Это неправда. Конечно, ничего плохого про Рождество не скажет ни православный, ни католик, но всё-таки главный праздник у нас, у католиков, тоже Пасха. И каждое воскресенье мы справляем как воспроизведение Пасхи — Воскресения Господня. Русское слово «воскресенье» выражает это по-особому ярко, но и латинское *dominica*, и производные от него *domenica* (ит.), *domingo* (исп.), *dimanche* (фр.) говорят о том же самом: «День Господень, день Воскресения Господня».

Впечатление, что Рождество на Западе главный праздник, создается потому, что справляет его отнюдь не только Церковь. Это всенародный праздник, связанный с каникулами-отпусками, традиционными ёлками, подарками и распродажами. Для распродаж и каникул Рождество гораздо удобнее Пасхи, потому что это праздник фиксированный, каждый год выпадает на одно и то же число — 25 декабря, его легче планировать, в этом все дело. И ещё, может быть, в том, что верят в Воскресение Христа только христиане, а рождению младенца свойственно радоваться всем, независимо от того, верим ли мы в то, что он воскреснет.

В этом смысле, если на то пошло, для населения России главный праздник вообще не Рождество и не Пасха, а Новый год.

Вспомнив про Новый год, нельзя не вспомнить и о «православном» календаре (в кавычках «православном» потому, что, вообще говоря, календарь не может быть право- или лево-славным, вопрос календаря это вопрос не веры и богословия — Богославия, а астрономии).

Россию подвел поспешный характер Петра Первого, который ввел юлианский календарь, переняв его в лютеранской Германии тогда, когда в Европе он уже сходил на нет. Буквально через несколько лет в тех самых княжествах, где его заимствовал Петр, юлианский календарь тоже заменили на григорианский. Нехотя, конечно, опоздав на сто с лишним лет — Папа Григорий XIII ввел его в 1582 году: лютеранским князьям было совсем не с руки следовать новшествам какого-то Папы Григория, но с Солнцем не поспоришь. Как ни крути, а юлианский календарь и вправду к тому времени отставал от наблюдаемого движения Солнца с его солнцеворотами и равноденствиями на целых двенадцать суток и продолжал отставать и дальше (с тех пор прибавились ещё одни сутки, расхождение составляет теперь тринадцать суток и продолжает накапливаться, но, боюсь, когда прибавятся четырнадцатые, в России этого просто не заметят).

Потерпи Петр пару лет с календарем, одной существенной проблемой у нас было бы сегодня меньше. Дело ведь не только во всероссийском похмелье 14 января в связи с удвоенным Новым го-

дом, дело ещё и в том, что если Рождество в соответствии с юлианским календарем выпадает на 7 января григорианского календаря, а к Рождеству полагается соблюдать Рождественский пост, то как (и кому!) прикажете поститься, если за семь дней до этого вся страна вместе со всем прогрессивным человечеством встречает новый Новый год?

А ещё ведь возникает проблема расчета пасхалий, то есть времени празднования Пасхи. Католическая Церковь в основном следует простому и ясному принципу, который был принят уже со II века. Поскольку, как мы знаем, Господь был распят накануне иудейской Пасхи и воскрес на третий день, то и Воскресение Господне следует справлять в первое воскресенье после иудейской Пасхи; если же иудейская Пасха сама выпадает на воскресенье, то неделю спустя (иудейская Пасха не привязана к определенному дню недели в связи с изменчивостью лунных циклов, на которых основан иудейский календарь). Иудейская Пасха это 14 нисана по иудейскому, т. е. лунному календарю. 14 нисана это день первого полнолуния после весеннего равноденствия. Стало быть, в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия следует христианская Пасха. Так это было принято и на Западе, и на Востоке до тех пор, пока в Европе не заметили, что календарь от равноденствия отстает. Папа Григорий исправил это отставание, календарное равноденствие вновь стало совпадать с реальным, астроно-

мическим, и пасхалии начали отсчитывать от него. Но на Востоке последовать за Папой не захотели и продолжают отсчитывать пасхалии от равноденствия по юлианскому календарю, т. е. на две недели позже настоящего. За эти две недели полнолуние может не произойти, а может и произойти, и тогда приходится ждать следующего. Вот откуда такой разброс в датах празднования Пасхи у православных и католиков: иногда, довольно редко, они совпадают, но гораздо чаще православная Пасха задерживается на две-четыре недели — ведь приходится ждать следующего полнолуния!

Известно, что Поместный собор Русской православной церкви собирался рассмотреть вопрос о календаре, но не успел: большевики разогнали его в 1918 году. Их-то, большевиков, всякая путаница в церковных делах, отстающие календари и всё такое, устраивала как нельзя более. Но кого такое положение вещей устраивает сейчас?

А многих!

Многим из нас очень по душе подчеркивать свою российскую особенность, особость, отъединенность от остального мира.

Вот Михаил Леонтьев пару лет назад предлагал по телевизору плюнуть на всяких там католиков и глобалистов и вернуться также и в гражданской жизни к своему исконному календарю.

Высокопреосвященный Сергей (Фомин), митрополит Воронежский, в интервью воронежскому еженедельнику «Мое!» (октябрь 2005 г.) заявил:

«Господь благословил нас — народы, живущие на этом геополитическом пространстве, которое называется Россия, — всем... Мы можем закрыть границы, поставить военных, разработать сверхсекретные и мощные ракеты и жить припеваючи, ни с кем не торгуя, ни с кем не общаясь».

Досточтимый владыка готов, очевидно, ради такого случая пересесть со своей иномарки, «мерседеса» там или «вольво», на отечественный «москвич» Ижевского завода? Ведь сегодня без международной торговли не построить даже «волги» с «жигулями»!

Но владыку, если что, и в паланкине понесут, а всему остальному народу так и придется слякоть месить — ведь асфальт, если видели, тоже в основном импортные укладчики укладывают!

Впрочем, народ тоже высказывается, причем уже давно. Вот история конца 70-х годов прошлого века: на встрече, где присутствовали мой друг католический священник, а также православный батюшка (в те времена отношения с православными у нас были куда сердечнее, нежели сегодня: властью ещё не пахло!), речь зашла о календаре, и батюшка сказал:

— Вот, соберем скоро Всеправославный собор (была тогда такая мысль, да растворилась) и будем календарь менять!

И тут одна из присутствующих, и ведь не фефёла какая-нибудь! — в 70-е годы на подобные собрания ходить требовало и мужества, и осведомлён-

ности, и умения занимать и отстаивать собственную позицию, — вот эту-то позицию она и выразила:

— Что, календарь менять?! Ну, мы тогда уйдем в раскол!

Народ, что называется, «поправил».

В том-то все и дело. Ни умница Леонтьев («умница» говорю без малейшей иронии), ни досточтимый владыка (который ведь тоже не достиг бы своего положения, когда б и вправду не умел он отличать «мерседеса» и «вольво» от «москвича»), не держи они, так сказать, у народа «руку на пульсе», ни за что не позволили бы себе нести такую ахинею.

— Что?! Как это вы про досточтимого Владыку? Небось про своего католического митрополита ни-почем не скажете, что несёт ахинею?!

— Ну почему же? Покажите мне католического митрополита, чтобы нёс такую ахинею, и я скажу ему об этом прямо в лицо, да хоть самому Папе!

Но я спокоен: ссориться ни с Папой, ни с митрополитами мне не придется. Католическим иерархам попросту нет нужды нести всякую чушь, поскольку им вовсе незачем с такой старательностью держать руку на пульсе: «поправлять» иерархию никто у нас народу полномочий не давал. Ведь если тело и причастно истине всё целиком — никто с этим не спорит, — то выражать истину призваны всё-таки уста, а не всё тело! А то телу дай только волю — такого навывает!

Аристократичность католичества

Да, католичество аристократично — иначе и не может быть, поскольку оно подлинно иерархично. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал», — говорит Господь (Ин 15, 16). Церковь строится не снизу, от народа, но сверху, от Бога, и потому не может не быть иерархичной, стало быть, аристократичной. В Церкви это ясно сознается: в Догматических конституциях *Pastor æternus* и *Lumen gentium*, например (о них ещё будет речь чуть ниже), прямо говорится, что вероучительные определения компетентной церковной власти «непреложны сами по себе, а не в силу согласия Церкви» (*Pastor æternus*, IV).

Но подлинная аристократия стремится не подавить чернь, не подмять её, а возвысить, облагородить. Поэтому подлинная аристократичность вовсе не противоположна демократии (хотя прошли века, прежде чем это уяснили себе даже в Церкви). Суть подлинной демократии не в том, чтобы дать власть черни, но чтобы воспитать из черни народ. Кто бывал в Европе, мог убедиться, как далеко уже зашел этот процесс.

Впрочем, в католической Европе черни никогда и не было слишком много: крепостное право было там практически повсюду отменено уже к началу XIV века — и только в лютеранской Германии оно

было на пару столетий восстановлено века спустя (а про Россию и говорить не будем: помним, слиш-ком помним, что у нас крепостное право отменили в тот самый год, когда в Лондоне запустили метро). А ведь свободный крестьянин, ремесленник, горожанин (что, собственно, и значит: «буржуа») представляли собой отнюдь не чернь, но именно народ. Каждый знал свою ответственность, но и свои права! Бывали, конечно, злоупотребления, причем с обеих сторон — как же без них-то у нас, у людей? — и со временем их накопилось столько, что феодальная система рухнула в конце концов, и поделом; но все же без элиты не способно просуществовать никакое общество, начиная с сообществ львов и гамадрилов.

Другое дело, как элита воспринимает свою роль — как потребителя и угнетателя или же как путе-водителя и воспитателя? В Церкви, во всяком слу-чае, теоретически, на этот счет не заблуждались никогда, да и трудно было бы, имея перед глазами слова Самого Господа: *«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы по-служить и отдать душу Свою для искупления многих»* (Мф 20,28).

Но для служения необходимы полномочия. Кто главный: ребёнок или воспитатель? Конечно же, ребёнок! А кто кого обязан слушаться?.. Вот то-то же. И капитан на корабле имеет полную власть, но главный здесь всё-таки не он, а... пассажир! И в автобусе водитель крутит руль туда, куда считает

нужным, но делает он это ради того, которого везёт... Предметы для изучения выбирают, и курс прокладывают, и на газ и тормоз давят, исходя из интересов подопечного, ребёнка или пассажира. Но, конечно же, никто при этом не спрашивает у ребёнка, стоит ли ему умываться по утрам, или у пассажира, на какой, по его мнению, следует ложиться гаи. Исключений не делается даже для королей: помните, как в «Буре» у Шекспира? — «Если Вы способны повелевать бурей, распорядитесь, а если нет, то уберите!».

Вот почему наш Папа, при всей своей непогрешимой власти, носит титул «*Servus servorum Dei*». И вот также почему, поскольку привести он должен нас не просто в тихую гавань, а ни много ни мало, в Царство Божие, мы имеем полное право ждать, что власть его будет поистине непогрешимой, иначе...

Но раз уж мы коснулись папской непогрешимости, позволю себе небольшое филологическое отступление.

Непогрешим или безгрешен?

Немного найдется вопросов, вызывающих столько споров, недоумений и недоразумений, как вопрос о папской непогрешимости. Подробно и по существу мы будем говорить об этом ниже, а пока

остановимся на, казалось бы, формальном, но тоже весьма немаловажном аспекте, потому что он-то как раз и подливает немало масла в огонь.

Дело в том, что слова «непогрешимость» и «грешить» одного корня и сходного звучания, отчего многим кажется, что «непогрешимость» означает то же, что и «безгрешность». Это, разумеется, не так, но путаница возникает. Во избежание такой путаницы в последние годы в русской католической литературе термин «непогрешимость» (лат. *infallibilitas*) все чаще стали заменять менее точным по контексту словом «безошибочность». Цитируя ниже официально утвержденные переводы церковных документов, я воспроизвожу их, разумеется, в том виде, как они опубликованы, и оставляю слово «безошибочность» там, где оно стоит. Тем не менее, на мой взгляд, такая замена не только не вполне корректна филологически, но даже затемняет суть дела, и мы постараемся сейчас это разъяснить.

Рассмотрим три понятия, четко различающиеся в русском языке: «грех» — «ошибка» — «погрешность».

«Грех» — намеренное, как правило, в полном сознании, нарушение Божьих заповедей, проступок, связанный с моральной, а нередко и с уголовной ответственностью.

«Ошибка» — вызванное недостатком информации, внимания или квалификации ложное суждение либо невольное, ненамеренное действие, име-

ющее негативные последствия, или даже действие намеренное, но когда наступивших негативных последствий не предвиделось.

Наконец, «погрешность» это ошибка настолько незначительная, что её вполне можно не заметить даже при соответствующей информированности, внимании и квалификации: «погрешность в вычислениях», например. Понятно, что даже самая малая погрешность способна очень радикально исказить результат наших действий, если её вовремя не исправить. Поэтому все мало-мальски важные вычисления проверяются по многу раз.

Понятно и то, что между этими понятиями нет глухой стены: значительная погрешность превращается в ошибку, а ошибка, повлекшая за собой тяжелые последствия, факт чего можно было бы предвидеть, квалифицируется уже как преступление, тем самым и как грех. В уголовном праве это называется «преступная халатность».

Основная разница между ошибкой и погрешностью заключается, тем не менее, в том, что квалифицированный специалист, вообще говоря, может и обязан не допускать ошибок: мы это ясно признаем, когда говорим об «ошибке хирурга», например, или об «ошибке водителя», — а вот от погрешностей не застрахован никто.

Никто, кроме Папы. Мы, католики, верим, что Папа, исполняя свою вселенскую учительскую миссию и при четко оговоренных условиях («ex cathedra»: речь об этом ещё будет) пользуется особой

благодатью и предохранен Богом не то, что от ошибок, но даже и от малейших погрешностей.

Собственно, только для этого — для непогрешимости — и необходима сверхъестественная помощь: безошибочные суждения, опираясь на свою информированность и квалификацию, способен высказывать каждый разумный человек, лишь бы только он не выходил за сферу своей компетенции. В том-то и состоит особая благодать, что папские вероучительные утверждения предохранены не от ошибок (для этого, как мы увидели, нет нужды в особой благодати, достаточно добросовестности и благоразумия), но именно от погрешностей, и потому не только неоправданно, но даже прямо запрещено подвергать их после оглашения проверке и перепроверке (вера в это, собственно говоря, и «делает католика»).

Мы видим, таким образом, что позиционно, хоть и не по звучанию, как раз «непогрешимость» располагается дальше от «безгрешности», чем «безошибочность», для которой необходимы определенные моральные качества: благоразумие, добросовестность, — тогда как для «непогрешимости» необходимо и достаточно только лишь занимать соответствующую должность (а можно ли занять такую должность без подходящих моральных качеств, это уже вопрос не филологии).

Именно так: благодать непогрешимости связана с должностью, а не с личностью, и потому представляет собой, если угодно, «техническое преимуще-

щество», а не моральное достоинство. Для примера: тот, кому доступна «правительственная связь», приобретает дополнительные возможности, но только в силу этого морально лучше не становится.

Вот почему ни один, даже самый «властолюбивый», Папа и ни один, даже самый фанатичный, католик никогда не связывали папской должностной непогрешимости с личной безгрешностью. Об этом говорилось так ясно, определенно и неоднократно, начиная от самого догматического определения I Ватиканского собора и до наших дней, что, казалось бы, давно уже вопрос исчерпан, ан нет! То и дело мне говорят: «Вы, католики, утверждаете, что у вас Папа безгрешный!», — и сколько ни повторяй в ответ: «Да грешный он, грешный! У него и личный исповедник имеется!» — все равно не слышат.

А теперь — сам догмат

Сформулированный на I Ватиканском соборе в 1870 году догмат о папской непогрешимости звучит следующим образом:

«Папа Римский, когда он говорит с кафедры («ex cathedra»), т.е. когда, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех христиан, определяет, в силу своей верховной апостольской власти, что некое учение по вопросам веры и нравственности

должно быть принято Церковью, пользуется божественной помощью, обещанной ему в лице святого Петра, той безошибочностью («infallibilitas»), которой Божественный Искупитель благоволил наделять Свою Церковь, когда она определяет учение по вопросам веры и нравственности» (I Ватиканский собор, Догматическая конституция *Pastor æternus*, IV).

А принятая на II Ватиканском соборе в 1964 году Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium* комментирует это так:

«В силу своей должности этой безошибочностью обладает Римский Понтифик, Глава Коллегии Епископов, когда он, как верховный Пастырь и учитель всех верных Христу, утверждающий в вере братьев своих (ср. Лк 22,32), окончательным образом провозглашает какое-либо учение о вере и нравах» (LG 25).

О роли остальных епископов параграфом выше говорится:

«Хотя отдельные Предстоятели и не обладают прерогативой безошибочности, тем не менее когда они, даже будучи рассеяны по всей земле, но сохраняя при этом связь общения друг с другом и с преемником Петра, аутентично учат о вопросах веры и нравов и сходятся на том, что некое суждение следует принимать как окончательное, тогда они безошибочно провозглашают учение Христа» (там же).

Так что пугаться не надо. Мы вовсе не представляем себе Церковь этаким головастиком, где Папа значит все, а все остальные — ничто. В самом догмате подчеркивается, что роль Папы вытекает из его положения главы коллегии епископов. Никто не нагружает беспощадно Папу неподъемной ношей индивидуальной непогрешимости. Непогрешима всё-таки вся Церковь целиком. Папа лишь единый — и потому единственный — выразитель этой непогрешимости, так сказать, служебный орган Церкви, её уста. Вот что мы читаем в «Катехизисе Католической Церкви»:

«Чтобы сохранять Церковь в чистоте веры, переданной апостолами, Христос, Который есть истина, пожелал наделить Свою Церковь участием в Своей собственной непогрешимости (Sic! — A. M.). «Сверхъестественным разумением веры» народ Божий «неотступно держится веры» (LG 12) под руководством живого Учительства Церкви» (Катехизис Католической Церкви. § 889).

Таким образом, Папа не пользуется непогрешимостью ни в своей частной жизни, ни в своих суждениях, не относящихся к вере и морали, сиречь политических, эстетических и прочих, ни даже в суждениях (и тем более поступках), хотя и относящихся к вере и морали, но не провозглашаемых определенно «ex cathedra». Разительный пример последнего мы находим в Послании к Галатам. Павел пишет:

«Когда Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал 2,11-14).

Петр, как видим, не предлагал своего поведения в качестве образца всем верным (хотя и заразил им многих), он не провозглашал запрета есть с язычниками «ex cathedra». Он всего лишь проявил «политкорректность» по отношению к своим более твердолобым собратьям (да, увы, вполне возможно быть одновременно и святым, и твердолобым!) и заработал Павловы упреки.

Вот как даже самого св. Апостола Петра подвело стремление «держатъ руку на пульсе»! Что ж, у его преемников хватило времени, чтобы отучиться.

Возможно, Провидение потому и допустило преувеличенную светскую власть Папы на протяжении веков, чтобы, вопреки всем возможным злоупотреблениям и соблазнам, добиться главного: независимости Римского понтифика от мирского пульса. И не случайно догмат о папской непогре-

шимости был провозглашен именно в год, когда Папа полностью лишился светской власти: она сыграла свою роль, и её у Папы отобрали, как отбирают «ходунки» у младенца, когда приходит пора ему ходить самостоятельно, невзирая на всего его крики и протесты!

Забавно, правда? Догмат о непогрешимости был сформулирован именно тогда, когда в ней больше всего засомневались. Пока хотя бы *свои* особо в ней не сомневались, никто такого догмата и не формулировал, зато теперь «своим» возможно оставаться только лишь тому, кто никогда больше в ней не усомнится. В этом ведь вся роль церковных догматов: ты свой, покуда с ними соглашаешься, а нет, иди на все четыре стороны, костром, по крайней мере на земле, это тебе больше не грозит.

При этом подчеркну, что это вовсе не требует от человека слепой и неразумной веры, напротив: разумнейшего осознания практической, служебной необходимости всякого догмата. Вот например, зачем нам нужен непогрешимый Папа? Да как же без него! Мы уже видели, что в сфере личного произвола никто и никакой непогрешимости за ним не признает; но вот когда он выступает в роли вселенского учителя, «*ex cathedra*»....

— Да на что нам сдались эти «вселенские учителя»! — воскликнут братья-протестанты, — что нам, Христа и Священного Писания мало?..

— Или Христа и совести? — добавляют братья-православные.

Что ж, братья, не знаю, как вам, а лично мне — определенно мало. Боюсь я, знаете ли, полагаться только на самого себя, когда речь идет о таких огромных, ни с чем во мне не соизмеримых вещах, как Царство Божие — а что ещё бы значило положиться на собственную совесть или на собственное разумение Священного Писания? Подсказки совести слышны в межчеловеческих отношениях, а в отношениях человека с Богом она попросту умолкает, поскольку, если бы могла, она бы только и вопила постоянно: «Опомнись, что ты делаешь?!»

Что до Священного Писания, *«как могу разуметь, если кто не наставит меня?»* (Деян 8,31). Поэтому мне очень близки слова св. Августина (у нас, у католиков, он святой, а не блаженный — помните двуступенчатую систему канонизации?): «Я не верил бы в Евангелие, если бы Церковь не сказала мне, что это Евангелие». И, как ни страшно это произносить, но то же самое я могу сказать и о Христе. Ведь если *«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил»* (Ин 1,18), то и Христа никто из нас не видел никогда, мы видим только Церковь. И только Церковь явила мне Христа.

Как это было

Боюсь, что мой рассказ о том, как это было, многих разочарует. Во-первых, никогда у меня не было никаких чрезвычайных переживаний, откровений, как у многих новообращенных — которым я так завидовал! — например, у Андре Фроссара, известного французского журналиста-католика, не так давно представшего пред Богом.

Его отец был видным социалистом, основателем Французской коммунистической партии, он сам — типичным левым интеллигентом, вполне равнодушным ко всякой мистике и прочей подобной «дребедени», но вот как-то, зайдя случайно в церковь, он пережил необычайное: разверзлись небеса, душа его вознеслась, и вышел он из храма полностью обращенным и убежденным католиком. Об этом он потом написал замечательную книгу «Бог есть, я Его встретил» (русский перевод которой вышел в издательстве «Жизнь с Богом», Брюссель).

Во-вторых, если бы даже и случилось мне пережить нечто подобное, боюсь, ничего внятного об этом передать мне бы не удалось. Но и те, кому это хоть как-то удалось — тот же Андре Фроссар, — как и все люди, пережившие какой-либо чрезвычайный опыт, как правило, больше всего жалуются на бедность человеческой речи, её неспособность передать сколько-нибудь точно то, что им

открылось. Исключение разве что Апокалипсис св. Иоанна Богослова, но потому он и вошел в канон Священного Писания. И, кстати, не потому ли мы его так плохо понимаем?

Но, как бы ни было, со мною никогда ничего подобного не происходило. Просто, будучи воспитан школой и домашними в наивной, но оттого не менее прочной большевистской убежденности, что в «бога верить» сегодня могут только люди самые тёмные и отсталые, а поддерживать их в этом — только своекорыстные прохиндеи, однажды я, читая «Феномен человека» о. Тейяра де Шардена и «Оправдание добра» Владимира Соловьева, вдруг поймал себя на мысли, что если такие разумные и образованные люди веруют, то, значит, вовсе не нужно быть для этого дебилом либо прохиндеем! И этого хватило: вера сама влилась в меня, едва только пали искусственные барьеры презрения и неприязни.

Были, конечно, и другие факторы, но этот — самый главный.

Хорошо помню, когда это случилось: в июле 1976 года я сидел в читальном зале тбилисской Публичной библиотеки и читал «Оправдание добра» — доступ к литературе там был куда свободнее, нежели в Румянцевской библиотеке в Москве. К этому времени «процесс» уже «пошел»; я весь был под впечатлением «Феномена человека», и реальность «точки Омега» уже вполне захватила моё воображение. Но путь от Омеги до Альфы ещё пред-

стоял, их ещё предстояло отождествить, отождествить Бога и Христа. Это и случилось, когда я прочитал у Соловьева, что Воплощение Христа — тот абсолютный факт, на котором держится все мироздание и даже, как я понял, всякая возможность осмысленно рассуждать о нем. Как-то сразу мне стало это понятно. Это не значит, что я тогда узнал Христа. Я только догадался, что искать Его мне следует там, где Сам Он назначает встречу: в Церкви.

Туда я отправился. Вопросы выбора, в которую именно, передо мною не стояло.

Почему же всё-таки в католики?

Я как-то всегда знал, что если буду верующим, то исключительно католиком. Почему? Наверное, об этом можно говорить немало, и что-то я действительно скажу, а начну с анекдота.

Приходит человек к батюшке на исповедь в православный храм. Вот, дескать, батюшка, согрешил я: убил...

— Что! — Батюшка в крик. — Греховодник! Да как ты смел в Божий храм явиться? Святых бы на иконах постыдился! Вон отсюда, нет тебе прощения!..

Вот тебе и на! Что делать? «Ну, ладно, — думает, — столько теперь всяких гуру развелось, экстра-

сенсов, пойду, найду, попробую, может, карму там почистят или что...»

Нашел, пришел. А гуру его выслушал и говорит:

— Да-а, у вас такая отягощенная карма, что, боюсь, в этом воплощении вам уже ничто не поможет, придется ждать следующих. А пока уходите, не загрязняйте мне ауру!

Ну, беда! Идет наш человек, не знает, как быть, вдруг видит: мечеть. «А, ладно, — думает, — Восток дело тонкое, пойду, может, какую хитрость присоветуют?»

Приходит он к мулле, а тот его послушал и говорит (с характерным акцентом):

— Раз миласерный Аллах захател, чтоб ты бил такой нигадзьяй, что чилавек убил, значит, тебе больши ничиго не паможит, будишь гареть в аду. Ухади атсюда.

Ой-ой-ой! Куда ж податься-то? «Дай, — думает, — пойду к евреям; люди умные, наверняка что-нибудь дельное подскажут».

Пришел в синагогу, рассказал все раввину, а тот ему и говорит:

— Ну и что вы хотите, чтобы я для вас сделал? Воскресил вашего покойника? Дал взятку судье избавить вас от ответственности?.. Вы сами видите, я ничем не могу вам помочь!

Да что же это? Прямо хоть в омут! «Ай, — думает, — хуже уже не будет, в омут всегда успею, а пойду-ка сперва к католикам!»

Вот приходит он в католический храм, находит конфессионал — видели, наверное, хотя бы в «латинских» сериалах, такая будочка с решетчатым окошком? — становится перед этим окошком на колени — там специальная приступочка, — и, замерев сперва: что-то сейчас будет? — говорит своё: вот, дескать, согрешил я, убил...

И слышит в ответ из-за решетки:
— Сколько раз, сын мой?

Прежде в ответ на вопрос, почему я католик, я приводил целые трактаты и готов был говорить об этом столько, сколько меня готовы были слушать. Теперь, когда я знаю этот анекдот, мне достаточно рассказать его и прибавить:

— Я католик потому, что здесь не боятся моих грехов.

Разумеется, я вынес такое убеждение не из анекдота, как не оно определило мой выбор в своё время. Анекдот лишь придал парадоксально-выразительную форму накопленному мною опыту. Помню, как, признавшись в особенно постыдных, по моему разумению, грехах, я услышал от пожилого исповедника:

— Прежде всего благодарите Бога за благодать оставаться Ему верным, свидетельством чему является сам факт, что вы пришли на исповедь...

Другой раз, тоже после достаточно тяжелой для меня исповеди, я услышал от исповедника, на этот раз довольно молодого:

— Не бойтесь полностью предаться радости Богообщения, ибо любовь Божия превозмогает все!

Дело здесь не в особой личной духовной одарённости исповедников: от недавних выпускников семинарии мне приходилось получать столь же глубокие и толковые советы и наставления, как и от многоопытных старцев. Так что дело не в личности, а в школе.

Итак, если всё, что вам нужно, это избавиться от грехов, то главное вы уже узнали, и дальше можете не читать.

Если же вам интересно что-либо ещё, тогда продолжим.

«Боженьки нет?»

Как поется в известной одесской песенке, «родился я в Почтовом переулке», только не в Одессе, а в Тбилиси, в 1949 году. Одно из моих самых ярких детских впечатлений это смерть и похороны Сталина — улицы полны народа со знаменами, «как на параде», только все плачут, а на знаменах черные траурные ленты (я тогда впервые услышал слово «траур»). На эту демонстрацию меня взяли, как брали «на парад» 1 мая и 7 ноября, в храм же водить или крестить ребёнка в то время в нашей среде никому бы и в голову не пришло. Оба моих родителя были некрещеными, обе бабушки и один

дедушка — второй умер задолго до моего рождения — были неверующими.

Мой прадед-француз, мсье Леон Мартен — я хорошо его запомнил, когда он умер, мне было уже тринадцать лет, — в Бога, как теперь понимаю, верил и Евангелие читал: я как-то в эту маленькую черную книжку заглянул, но показалась она мне невероятно корявой, сейчас бы я сказал: «архаичной», и, прочитав с трудом несколько строк, я её разочарованно отложил. В церковь он тоже ходил, конечно, в католическую, но, объясняли мне домашние, только потому, что дружил со священником и разговаривал с ним по-французски: больше никто в семье французского не знал. Прадедуська не возражал: был он старичком очень тихим и кротким, с домашними не спорил, а с господствующей идеологией и подавно.

О Боге я впервые услышал вот в каком контексте (было мне тогда лет пять).

Жила в нашем тихом Почтовом переулке старушка тетя Феня — сектантка. Впрочем, «сектанткой» её называли бы сегодня, а тогда про нее говорили просто «верующая», и тогда звучало это не менее зловеще, чем сегодня звучит слово «сектант». Что там у них была за секта, не скажу, может, и не секта вовсе, а какое-нибудь выродившееся старообрядческое «согласие» или группа катакомбников: их немало тогда укрывалось в сравнительно веротерпимой по меркам Советского Союза Грузии. Но, может, просто молокане или духоборы —

их на Кавказе всегда было много. Книги у них, во всяком случае, были толстенные: я как-то случайно подглядел в открытое окошко у тети Фени молитвенное собрание, они не слишком и таились — в крохотную, в один свет, каморку плотно набились в основном бабушки в платочках, как тетя Феня, а какой-то средних лет мужчина в обычном сером костюме вслух читал что-то непонятное по эдакой толстой книге. Мне стало скучно, и я ушел по своим детским делам, так в тот раз ничего о Боге и не услышав. Произошло это в другой раз, когда я ни с того ни с сего размазал ножкой по земле муравья, а потом, как всякий ребёнок, захотел узнать оценку своего поступка со стороны взрослых. Из взрослых, кроме тети Фени, никого поблизости не оказалось, я подошел к ней и сказал:

— А я мурашку раздавил!

— А вот тебя боженька и накажет!

— Как накажет?!

— Так ударит, что и помрешь!

С ревом я бросился домой, к бабушке:

— А-а-а!! Тетя Феня сказала, что меня боженька накажет!

— Не бойся, — спокойно утешила меня бабушка, атеистка и бывшая комсомолка, — не бойся, никакого боженьки нет.

Помню, я переспросил для верности:

— Боженьки нет?

И тогда она мне объяснила, что «боженьку», такого старичка с бородой, который живет на облаках, выдумали темные необразованные люди, которые не знают законов природы, а я вот вырасту большой и умный, и всё-всё буду знать, и бояться мне совершенно нечего.

Я благодарно к ней прижался — я поверил. Правда, муравьев с тех пор все равно стараюсь не обижать.

(Упокой Бог твою душу, милая моя бабушка! Дома тебя называли «Варико», «Варвара», но в крещении ты была Мария! (В Грузии такая двойственность имен в большом ходу: так, моего отца, по имени Григория, дома называли не иначе как «Бичико», «Мальчонка» по-грузински.) Ты любила меня, как мать, и была мне матерью не меньше, чем моя родная мама. Ты ничего для меня не жалела, но ты не могла мне передать того, чего сама лишилась, — веры. Ты родилась в 1903 году. Когда случилась революция, тебе было четырнадцать, когда в Грузию пришли большевики — восемнадцать. А до этого умер твой отец Давид, мой прадед. Когда он болел, ты горячо молилась о его здоровье, но Бог, ты решила, тебя не услышал. И ты отказалась от Бога. Надеюсь — а «надежда не постыжает»! — что теперь вы с Ним простили друг друга.)

Доказательство «от противного»

То, что я пишу, не исповедь и не автобиография, и речь идет не обо мне, но о католичестве, — естественно, о католичестве моими глазами, ибо других у меня нет. На эпизоды из своего детства я ссылаюсь лишь во свидетельство тому, что никакого католичества, как и вообще никакой религиозности от моего обихода тогда и близко не лежало. Сведения о религии доносились только в виде антирелигиозной пропаганды. Все религиозное воспринималось как нечто исключительно постыдное и наказуемое. Вот помню эпизод из детского сада. Я посмотрел мультфильм «Полет на Луну» и, полный впечатлений, взялся взахлёб пересказывать его у себя в группе. Слушали меня также наша воспитательница Тина Кишвардовна и заведующая Ксения... а отчества не помню. И вот когда я, пересказывая эпизод с аварией ракеты, произнес:

— Тут бок ракеты ударился о скалу... — заведующая строго меня перебила:

— Что, «бог»? Какой «бог»? Никакого бога нет!

Мне бы тогда возмутиться, хотя бы внутренне: «Как же ты, дура, меня слушаешь?» — но вместо этого я страшно смутился и стал поспешно оправдываться: ещё бы, меня заподозрили в чудовищной ереси! Слова «ересь» я, разумеется, тогда не знал, но чувство было именно такое. И то сказать: какой там «бог», когда ракеты на Луне?!

Вот так я рос, пошел в школу, стал пионером, полюбил читать книги по истории — главным образом, старый толстый школьный учебник моей тётушки, сталинских времен (замечу в скобках, гораздо более подробный, чем те, что выходили впоследствии). Оттуда я узнал про Жанну д'Арк и Французскую революцию, про разделение Церквей, крестовые походы и реформы Филиппа Красивого. Всё на свете казалось вполне ясным и объяснённым с марксистско-ленинских позиций, всё шло согласно незыблемым законам мироздания от простого к сложному, от хаоса к прогрессу, и всё бы шло ещё гораздо лучше и быстрее, если бы не злобное сопротивление сил реакции, среди которых одной из главных — да, по сути, самой главной — возвышалась зловещая фигура Католической Церкви. Византийский император? — Конечно, угнетатель и реакционер, но вот в XI веке совершил-таки прогрессивный шаг: вывел свою Византийскую Церковь из-под диктата католического Рима. Филипп Красивый? — Разумеется, феодал и притеснитель, но ведь ослабил-таки власть Папства у себя во Франции, а там и вовсе вынудили Папу перебраться из Рима в Авиньон, и это было хорошо: авторитет Папства заметно пошатнулся. Мартин Лютер? — Ну, понятно, человек своего времени, не мог избавиться от религиозных предрассудков, но все равно, какой прогрессивный шаг: отколоть от католичества пол-Европы! — и так далее, и так далее, и так далее... Где бы, когда

бы, с кем бы ни возникал на протяжении веков у католичества конфликт, марксистские учебники — а где мне было взять другие? — неизменно, сто-процентно и безоговорочно принимали сторону его противников, пусть даже во всех остальных отношениях эти противники ни малейшего одобрения не заслуживали, как хотя бы тот же византийский император. Отсюда и сложилось у меня стойкое убеждение, что вообще для прогресса и научного мировоззрения католичество это враг номер один. То есть религия вообще враг, но хуже нет религии, чем католическая. Ещё бы — людей сжигали на кострах за то, что они в Бога не верили и считали, что земля вращается, то есть думали так же, как мы все сегодня, — выходит, попадись я им, и меня туда же?! (И то, ежели тетя Феня была готова казнить ребёнка ради мураша! Правда, уж она-то точно никакой католичкой не была.)

Но при всём при том я думал, что этот враг — религия — теперь уже никакой опасности не представляет, и заниматься антирелигиозной пропагандой, на мой взгляд, больше вообще не имело смысла: ну кого теперь убеждать? Все грамотные люди и так всё знают, а полуграмотные тёмные старухи, что сегодня всё ещё ходят в церковь, скоро сами повымирают, корыстным попам не с кого станет собирать денежки «на свечки», и через год-другой церкви сами собой позакрываются (не я один так думал). Но, может быть, так получилось у нас, потому что здесь была сравнительно «хоро-

шая» Церковь, а там, где была эта злобная — Католическая, — всё по-другому? И то, ведь на капиталистическом Западе люди до сих пор веруют (ну, делают вид, что веруют: значит, их заставляют?).

Словом, ясно, что никто и никогда к католицизму меня специально не склонял, напротив: многие годы католицизм представлялось мне крайним антиподом всего доброго и светлого, что воодушевляет человечество.

К счастью, в конце концов, по выражению Юрия Гнедкова, «практика марксизма сняла с повестки дня вопросы его теории». Для меня это начало становится очевидным уже в отрочестве, однако путь до обращения и веры предстоял ещё долгий. Но я пишу не историю своего обращения, я только хотел рассказать, почему, когда в двадцать семь лет я обратился к Богу и уверовал во Христа, вопроса выбора конфессии передо мной вообще не встало: я всегда знал, что нет у неверия злейшего врага, чем католицизм, я всегда чувствовал, что если уж становиться верующим, то католиком, или, как говорят евреи, «уж если есть сало, так чтобы по бороде текло». Уж ежели креститься, так только в Католической церкви.

Вот как на меня подействовало доказательство «от противного».

«Скажи мне твое «да» или Кто больше верует?»

Должен добавить, однако, что пришел в католичество не только отталкиваясь «от противного» — от марксизма. Были и другие факторы, например такой: уже довольно рано я обнаружил, что католики это не просто злейшие враги неверия, они ещё и те, кто «больше верует». Надо ли говорить, что это было поначалу крупным недостатком в моих глазах? Ну ладно, враждуешь там с еретиками, с неверующими, потому что они подрывают твою власть, снижают доходы, словом, борешься с конкурентами: это, конечно, тоже плохо, но всё-таки понятно. Но в самом деле верить? — Какое мракобесие!

А выяснилось это следующим образом.

Было мне тогда лет восемь или десять. Читать я выучился задолго до того и читал много и с удовольствием, но в тот раз приболел, и книжку мне читала мама. Книжка была из истории французских религиозных войн, ни автора не помню, ни названия, а только имя персонажа и коллизию: видный гугенот шевалье Лондоннэр снарядил экспедицию и отправился за океан, чтобы там, в Америке, основать гугенотскую колонию, где бы они могли себе спокойно жить, вдали от Лиги, Гизов и Варфоломеевской ночи. Не тут-то было! На беду,

по соседству случилось испанское поселение, и чего только злодеи-испанцы не чинили, чтобы досадить мирным гугенотам! И вот, при описании коварного ночного нападения католиков-испанцев, я прерываю маму и спрашиваю:

— Мама, а почему католики убивали гугенотов, гугеноты что, в Бога не верили? — То есть по сравнению с самым чудовищным фактом веры всякие различия между верующими казались мне до ужаса второстепенными.

И вот ответ моей атеистки-мамы, совсем тогда ещё недавней комсомолки:

— Нет, верили, но меньше...

Эти мамины слова гвоздём засели у меня в сознании: все, кроме католиков, верили меньше, то есть находились ближе к приличным просвещённым людям, таким, как я и мои близкие, а католики, получается, были от нас дальше — и, стало быть, хуже! — всех.

Мама прокомментировала свои слова:

— Понимаешь, католики обязательно ходят в церковь, устраивают пышные богослужения, жгут свечи, на священниках драгоценные одежды, а гугеноты говорят, что помолиться можно и дома, и совсем не обязательна такая пышность...

Я это понял так, что католики готовы нести больше тягот ради своей веры, дороже оплачивать свои богослужения и духовенство. То есть веры католиков хватает не только на Бога, но и на

Церковь, свечи, духовенство, облачения... Кто больше верит, на большее и готов...

Конечно, такая экклезиология непросвещенной атеистки-мамы и несмышленища-сына может показаться — и оказаться! — поверхностной и наивной. Но очевидная связь между протестантизмом, секуляризацией и революцией заставляет предположить известную её основательность. Действительно, разве не прослеживается самым явным образом цепочка от Лютера до Гегеля и от Гегеля до Маркса, а от Маркса — до Ленина и Сталина?

Всякий еретик или, по-тогдашнему, скорее, вольнодумец, представлялся мне в виде человека с сильным разумом, который задыхается под оковами догматизма и стремится изо всех сил вырваться на вольный воздух просвещения и свободы. Но, отломив там и сям куски от своих оков, он вынужден использовать их, чтобы пробиваться дальше. В борьбе с коростой догматизма он вынужден использовать его же осколки и пользоваться его понятиями и терминологией, — других-то у него пока что нет! Но, дай только срок, «оковы тяжкие падут», и от догматизма вместе с верой ничего не останется, что мы и наблюдаем в нашем счастливом рабоче-крестьянском государстве.

Много позже я получил мощное подтверждение своего восприятия протестантизма как прежде всего отката от веры — конечно, неосознанного, Лютер-то именно веру ставил во главу угла, но оказалось, что вера без благочестия бессильна. Лю-

тер не мог этого знать, или, по крайней мере, мог не знать, но сатана — не мог. (Впрочем, и Лютеру бы следовало тщательнее вдумываться в то самое Писание, которое он вроде бы ставил так высоко: именно там ведь сказано: «Вера без дел мертва» (ср. Иак 2,17: *«Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе»*), и даже ещё сильнее: *«И бесы веруют, и трепещут»* (там же, 2,19).) Так вот, подтверждение я нашел в прекрасном стихотворении Федора Тютчева, — оно короткое, давайте его вспомним:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой.
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? — Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит.
Ещё она не перешла порогу,
А дом её и пуст, и гол стоит.

Ещё она не перешла порогу,
Ещё за ней не затворилась дверь,
Но час настал, пробил: молитесь Богу!
В последний раз вы молитесь теперь.

Боже меня упаси не видеть в лютеранстве ничего, кроме отката от веры. Обличать недостатки других, не замечая их достоинств, не путь к единству, а тупик. Но о достоинствах лютеранства го-

раздо лучше меня расскажут лютеране. Моя речь — о достоинствах католичества. В данной главе — об одном из самых заметных: о том, что католики говорят больше «да», чем все остальные.

Вот посмотрите: «да» Богу говорят практически все верующие люди на земле: христиане, мусульмане, иудеи, индуисты, бахаисты, пантеисты и так далее, и так далее, и так далее... Даже те язычники, что почитают множество богов, признают, как правило, над ними (и за ними) Кого-то Наивысшего, хоть и зовут Его по-разному, будь то «Брахман» у индуистов или «старик Бенамуки» у робинзона Пятницы. «Да» Единому Богу-Личности говорят уже только христиане, иудеи и мусульмане: для остальных Бог, скорее, некий безличный Абсолют, неопределимое Начало. «Да» Богу Триединому, Пресвятой Троице, говорят только христиане. «Да» Церкви как необходимому условию спасения говорят уже не все христиане, хотя и большинство. «Да» почитанию Пресвятой Богородицы, Святых, апостольскому преемству, церковной иерархии, действительности и необходимости всех семи таинств говорят только члены Апостольских Церквей: католической, православной, армянской, коптской, сиро-халдейской... «Да» необходимости для Церкви организационного единства во главе с Римским Первосвященником говорят только католики: остальным представляется, что для Церкви — Тела Христова — достаточно небесного Главы: Христа. «Да» Небесному Главе католики тоже гово-

рят, но при этом, как уже отмечалось, не считают, что Церковь — Невеста Христова — в результате может позволить себе быть безголовой!

Словом, наиболее, на мой взгляд, заметное отличие католика от всех остальных заключается в том, что он говорит «да» там, где другие останавливаются и говорят «нет» либо, по меньшей мере, не дерзают продолжать.

Вот, например, основные разногласия между католиками и православными (в разногласиях по другим вопросам с остальными христианскими конфессиями мы в целом солидарны): догмат об исхождении Святого Духа (пресловутое *filioque* — «и Сына»), существование чистилища, догмат о непогрешимости (безошибочности) Папы. (Не принимают православные и католического догмата о Непорочном Зачатии Пресвятой Богородицы, но здесь мне, говоря по правде, очень трудно представить себе такого православного, который бы определенно и настойчиво утверждал — что? Порочность Ее зачатия?)

Сравним утверждения католиков и православных:

— Исходит ли Дух Святой от Отца? — «Да», — отвечают и католик, и православный.

— И от Сына? — «Да», — отвечает католик, «нет», — говорит православный.

— Существует ли рай? — «Да», — отвечают и католик, и православный.

— И ад? — «Да», — отвечают и католик, и православный.

— А чистилище? — «Да», — отвечает католик, «нет», — говорит православный.

Наконец, наиболее важный не с онтологической, но с практической точки зрения вопрос — о нем уже довольно сказано, — это:

— Непогрешим ли Папа? — «Да», — отвечает католик, «нет», — говорит православный.

Итак, уже из такого краткого сравнения — а ведь можно его продолжать ещё долго — заметно, что учение и практика католиков наиболее содержательны, что значит: содержат больше положительных (не в смысле «хороших», а в смысле принимающих, а не отвергающих) утверждений и действий, чем все остальные христианские учения. Для меня это значительный, больше того — решающий довод.

О *filioque* и чистилище

Должен сказать, что вышеперечисленные православные «нет» по сути своей вовсе не православны.

О *filioque* приведу свидетельство одного своего знакомого — известного православного журналиста: имени его называть не стану, оно довольно у всех на слуху, и боюсь, за такие свидетельства «свои» по головке его не погладят.

Так вот, рассказывал он мне, что случилось ему как-то ехать поездом из Рима в Москву. В Триесте у него была пересадка; до следующего поезда времени оказалось довольно, он вышел в город прогуляться и зашел в первый попавшийся храм — католический, конечно.

Храм ему показался величественным и огромным, и вот, глядя на теряющиеся в высоте величественные своды, он подумал: а почему у нас в православии обычно нет ничего подобного? — католические храмы и вправду если не красотой, то хотя бы размерами, как правило, многократно превосходят храмы православные: Триест ведь далеко не столица, а, скажем, во Флоренции я видел не то что сам собор — «крестилку», т. е. особую часовню для крещения возле собора, которая на его фоне казалась совершенно незаметной, но вместимостью при этом готова была поспорить с любым кремлевским храмом. Да что там — во Флоренции! В каком-нибудь литовском захолустье, даже в деревне, вы можете встретить собор, не уступающий размерами Елоховскому кафедральному в Москве! Кстати, о вместимости православных храмов. В Москве их, сколько знаю, около семисот. Как правило, они вмещают от силы двести-триста человек; иные больше, но все равно в среднем вместимость никак не выше пятисот человек. И вот, если даже все они набьются до отказа, то семьсот на пятьсот выходит триста пятьдесят тысяч — или три с половиной процента от десятиллионного населения

Православной Столицы — а с приезжими? Но пусть хотя бы только москвичи: только три с половиной процента из них имеют физическую возможность реально выразить свою православность, принять участие в воскресном богослужении, а, как мы видели (милиция видела и сосчитала, а я по радио услышал), пользуется такой возможностью даже на Пасху от этих трех с чем-то процентов едва ли одна треть! Вот какова статистическая цена российской православности, и делу совсем не помогает тот факт, что во многих храмах литургия по воскресеньям может совершаться более одного раза. Но вернемся в Триест.

Думая о том, почему католикам удаётся строить храмы гораздо большие, чем православным, мой знакомый, как он сам говорит, вдруг понял, что все дело в *filiouque!* Признав, что Дух Святой исходит и от Сына, католики получили в своё распоряжение могучий инструмент воздействия на практическую жизнь, а мы так и остались замкнуты в отвлеченной духовности.

Ну да! Ведь и кремлевские соборы нам построил итальянец, а Исаакия в Петербурге — француз. Конечно, храм Христа Спасителя построили мы сами, но зато сами его же и взорвали, а уж Лужков его восстановил, как хотите, а всё же главным образом не в силу православных соображений (это говорит уже не мой знакомый, а я сам, а слово «мы» здесь я употребляю в смысле «мы, русские»:

ибо при всем своём французестве-грузинстве-армянстве числою я себя по сути русским).

Это всё, конечно, не богословские аргументы, но если *«по плодам их узнаете их»* (Мф 7,16), то вот вам, на здоровье, и плоды. Сравняйте!

Что до чистилища, здесь у меня довод сугубо эkkлезиологический, апеллирующий к православной церковной практике.

Чем больше всего озабочен православный люд, какие требы чаще всего исполняет духовенство, о ком заказывают панихиды, молебны, сорокоусты? Да об усопших же! И что, о ком возносят в этом случае молитвы, о святых на небесах? Бессмысленно, они и так блаженны! Тогда о грешниках в аду? Тоже бессмысленно, поскольку бесполезно. Так о ком же?

— Ну да, мы, православные, признаем некие временные посмертные мытарства души, но это вовсе не чистилище!

— Вот как? Почему же? Что такое чистилище, как не посмертное временное существование души, связанное со страданиями, имеющими искупительное значение? И не надо говорить, что это время ограничено у православных сорока днями: я такое слышал. Если бы так, не имело бы смысла молиться об усопших в годовщину смерти.

И вообще, много ли мы знаем достоверного о своей посмертной жизни, в частности о том, как именно течёт там время? Ведь время, как установил Эйнштейн, это функция массы, материи, а в

нашей загробной жизни, по крайней мере до воскресения плоти, никакой материи нет!

Неудивительно поэтому, что люди разных стран, различных культур выражают и описывают свои представления о столь ускользающем от восприятия предмете совершенно по-разному: Дантова «Божественная комедия» совсем не так, как православные сказания о посмертных мытарствах души. Неудивительно и то, что людям различных культур способы выражения друг друга могут нередко показаться нелепыми, смешными. И даже в рамках одной культуры перемены со временем происходят самые разительные. Так, например, сегодня нам, католикам, кажутся смешными и нелепыми указания в наших католических молитвенниках всего столетней давности, что чтение той или иной молитвы приносит сокращение мук чистилища на четко определенный срок: на триста дней или на десять тысяч.

Ни эти временные графики и ни «Божественная комедия», несмотря на огромное своё влияние, никогда не предлагались Церковью на Западе в качестве обязательной к исповеданию истины веры, так же как не предлагались в таком качестве и сказания о мытарствах Церковью на Востоке. Нет, Церковь пользовалась или позволяла пользоваться ими до тех пор, пока они приносили пользу, помогали человеку удерживаться от греха и склоняли его множить усилия ко благочестию; а перестали приносить — и Церковь от них отказалась. Сего-

дня указаний о конкретных сроках пребывания в чистилище нигде в католических молитвенниках вы не найдете. Истина веры не в том, насколько сократятся твои страдания от той или иной молитвы, но в том, что эти страдания, что некое промежуточное посмертное состояние ЕСТЬ, и в этом согласны все православные, и на Востоке, и на Западе (то, что западные христиане-католики тоже православные, я, надеюсь, высказал уже достаточно ясно? А не я, так сам Папа: «I giusti ortodossi...»).

А то, что на Западе их называют «чистилищем», а на Востоке «мытарствами», не суть важно.

Культурная идиосинкразия

Конечно, моя аргументация грешит неполнотой. Но я и не ставил себе целью написать полноценный, богословски аргументированный трактат. Люди не чета мне пишут с обеих сторон подобные трактаты вот уже тысячу лет, а результат?

Я далек от претензий превзойти в эффективности целую плеяду выдающихся деятелей, авторов и подвижников, от Поссевино и Жозефа де Местра до Владимира Соловьева и блаженного Леонида (Федорова).

Меня только не оставляют в покое слова Господни: *«Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да*

уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17,21), а также молитвенное прошение из Мирной ектении, которое мы все возносим на каждом богослужении: «О мире всего мира, благостоянии святых Божиих Церквей, и соединении всех, Господу помолимся».

Тема единства христиан тревожила меня многие годы, с самого обращения. Можно ли быть христианином и не тревожиться о нашем разделении? Можно ли забыть о том соблазне, какой мы представляем для остального мира, того мира, которому мы призваны проповедовать Спасение? — «О чем вы проповедуете, сперва между собой договоритесь!» — кричат нам со всех сторон и закрывают от нас уши и души, а виноваты в этом прежде всего мы сами.

«Смотрите, как они любят друг друга!» — говорили о первых христианах, и эта любовь превозмогла грандиозную и яростно-враждебную языческую империю, — а что способны противопоставить новому грандиозному язычеству сегодня мы? — Ведь мы совсем не готовы и не хотим любить друг друга! Католики виновны в этом ничуть не менее других, если не более, но, к нашей чести, следует сказать, что мы одни из первых осознали это как грех и активнее других двинулись по пути его преодоления. В первой же своей после восшествия на Кафедру Св. Петра энциклике *Redemptor hominis* («Искупитель человеков») Папа Иоанн-Павел II, отвечая на вопрос, следует ли и дальше про-

должать дело экуменизма, т. е. христианского единения, писал: «А можем ли мы этого не делать?» — и мы это делаем.

Уже упоминавшийся мною отец-францисканец Целестин Напюрковский составил такую диаграмму: кружком на ней расположены все основные христианские конфессии, около полутора десятков, и от каждой тянутся стрелки к тем, с которыми она поддерживает экуменические контакты. Ни от одной не тянется больше трех-четырёх стрелок (от некоторых — немногих — ни одной); но от католиков стрелки протянуты почти ко всем. (Впрочем, и в этом иные находят только лишь проявление извечного католического агрессивного прозелитизма...)

То, что нас разделяет, это не богословские аргументы. Не по силам и не ко времени было бы мне пытаться разобрать весь комплекс разделяющих нас проблем, от захвата Константинополя крестоносцами в XIII веке до современных «разборок» с украинскими униатами, в которых Москва никак не хочет повести себя если не по справедливости — ведь храмы, о которых говорят в Москве, что униаты их «захватили», эти храмы так и были изначально униатскими, это их Сталин после завоевания Западной Украины отдал Московскому патриархату в 1946 году, а униатов, сколько сумел, истребил, так верни теперь уцелевшим своё без возражений! — то хотя бы политически реалистич-

но: Украина самостоятельная независимая страна, и строить свои отношения с третьей самостоятельной и независимой даже с государственной точки зрения силой — Ватиканом — в зависимости от положения там дел по меньшей мере оскорбительно для Украины, а к положению католиков в России дела на Украине вообще никакого отношения не имеют!

Я вовсе не хочу сказать, что всегда и везде были виноваты другие, а мы, католики, вели себя только как невинные овечки: отнюдь нет! Довольно и того, что нам до сих пор приходится краснеть за инквизицию. Хотя краснеть — не жариться!

Но даже если путем взаимопогашения претензий мы и пришли бы к какому-то нулевому балансу, далеко по пути единения это нас бы не продвинуло.

Дело в том, что многим сама мысль о единении с католиками неприятна просто в силу этно-культурной идиосинкразии:

— Что, с католиками объединяться? Да они же нас заставят верить в польского Бога!

Должен сказать, что такое отношение очень даже понятно: мне самому бывало невмоготу распевать непривычные народные песенки в ходе польских «набоженьств», а также слышать, как русские — весьма немногочисленные! — выпускники польских семинарий начинали произносить «хвеб» и «зво» вместо «хлеб» и «зло».

Но, во-первых, такое положение уже давно стало меняться, и «католический Бог» в России теперь гораздо больше русский, нежели польский.

Во-вторых, низкий поклон польским ксендзам за то, что оставили свою весьма по сравнению с Россией благополучную Польшу и приехали к нам — не православных в свою веру обращать, а своих единоверцев, прежде всего поляков по происхождению, в веру укреплять, а также и тем, кто во все ни во что не верует, Евангелие нести. А таких, кто ни во что толком не верует — помните «православный» процент? — о-го-го в России сколько, на всех с избытком хватит! Но даже это — нести Евангелие неверующим, о чем обмолвился не так давно кардинал Каспер в ходе своего визита в Россию, было воспринято в Москве как проявление нестерпимого прозелитизма. Между тем могу засвидетельствовать: как раз польским ксендзам проявления прозелитизма свойственны меньше всего. Сколько раз на моих глазах русских (и грузинских) православных, желавших обратиться в католичество, попросту отправляли обратно: дескать, есть у вас ваша собственная Церковь, подлинная, с таинствами, с иерархией, там и молитесь! И что же? Как правило, такие люди вовсе исчезали с церковных горизонтов...

(Замечу в скобках, что для меня лично в этом вопросе, как и везде, приоритет принадлежит принципу свободы совести: человек волен сам решать, в какую Церковь верить, какую веру под-

сказывают ему его совесть и убеждения. Так, услышав однажды, что сам о. Александр Мень высказался в том духе, что в России, дескать, надо быть православным, я не смог удержаться от восклицания: «А кем же тогда надо быть в Китае?!» Действительно, нешто свобода совести зависит от места жительства? Хотя практически, конечно, ещё как зависит, но такое положение вещей меня категорически не устраивает, потому я и пишу настоящие заметки.)

А в-третьих, раз уж мы вспомнили польских ксендзов, то, может быть, посмотрим, что же «польский Бог» принес самой Польше?

Звонок на радио

Недавно совершенно случайно я столкнулся с подходящим примером. Дело было в Варшаве — столице Польши, самой сегодня католической страны на свете, откуда и вопрос: что Польше, собственно, Бог принес?

Не стану говорить в ответ о роли польской Церкви, находящейся под её влиянием Солидарности и католика Леха Валенсы в деле свержения коммунистического режима. Как ни парадоксально для меня, но для многих православных падение коммунистического режима сегодня вовсе не выглядит как положительное событие. Поэтому я просто приведу свой маленький пример.

Я был за рулем и включил наугад радио. Обычная станция, красивая эстрадная песенка, знамо дело, о любви, а потом вдруг — письмо слушательницы, что, дескать, любовь не может длиться вечно, и как же тогда супружеская присяга, где мы обещаем то, чего заведомо сделать не в состоянии: любить до конца жизни? Напомню, если кто забыл, что в Католической Церкви развода нет.

Словом, прозвучало простое такое житейское наблюдение-вопрос-утверждение. И тут же звонок другой радиослушательницы: «Любовь — это не просто взбудораженные чувства; любовь — это когда ты принимаешь на себя ответственность за другого человека. Любовь — это принятие другого человека вопреки его недостаткам и слабостям, а это невозможно без борьбы с собственным эгоизмом. Бывает очень тяжело, очень, но я знаю, что так бывает, и это прекрасно». Слушательница призналась, что изучала богословие, но ссылалась всё-таки не столько на принципы, сколько на собственный опыт.

Такой вот случайный звоночек в случайный эфир, а прозвучала безупречная формулировка. Любовь — это вовсе не то самолюбивое желание наслаждений, сближающее тела для эгоистического и преходящего союза, о котором только что пелось в песенке. Любовь двух существ, которые, вступая в брак, свободно отдают себя друг другу, — символ единения души со Христом. И речь здесь идет не о преходящем влечении и увлечении, а о

преданности, доверии, жертвенной самоотдаче — о единстве и вечности.

Так вот: можете вы себе представить такой звонок в какой-либо нехристианской стране, а то и на Святой Руси?.. Разве что на сугубо христианском канале, да только когда ещё у нас христианские каналы доберутся до FM!

Но, может быть, ещё более для русских убедительным покажется не то, что Бог Польше дал, а то, чего Он ей не давал, а именно — утраты национальной идентичности.

И вправду, говоря о «польском Боге», мы уже этим самым свидетельствуем, что вера поляка, хотя и католическая, т. е. вселенская, несет на себе тем не менее неизгладимый отпечаток польской индивидуальности.

Итак, поляку католичество совсем не помешало быть поляком, как не помешало французу быть французом, а итальянцу итальянцем.

Заключение

Я назвал свои заметки «Католичество и Россия» и говорил о католичестве гораздо больше, чем о России, потому, что о России вы и без меня довольно знаете, а вот невежество в вопросах католичества как раз и порождает львиную долю неприятия и недоразумений.

Масштабы этого невежества нередко поражают. Помните знаменитого «пастора» Шлага, соратника Штирлица? Юлиан Семенов был не самым невежественным в эсесесере человеком, а вот пожалуйста, назвал католического священника Шлага «пастором», хотя «пастор», т. е. «пастырь, пастух», это только у лютеран, а у католиков непременно «патер», «отец». Но «пастор» или «патер» — это ладно, мелочи, а вот каков у него Ватикан, заметили? Какие козни строит за спиной у бедного «пастора-патера» Шлага? Но в этом Юлиан Семенов был вовсе не одинок, он только выражал те представления, какие разделяли тогда все, я в том числе, а некоторые и поныне, что Ватикан — это сборище эдаких коварных хитроумных Арамисов, готовых на любую подлость ради своих клерикальных целей, и вот уже веками они плетут свои загадочные паутины... Если бы так! Был, был я в этом самом Ватикане, и никакого Арамиса там не встретил, а только многочисленных ужасно деловитых монсеньоров, которые, как и любой чиновник, больше всего были озабочены тем, как бы свалить со своих плеч дел побольше да отпихнуть их подальше... Та только разница, что в этой старейшей на земле бюрократической системе за многие века существования искусство «сваливать» и «отпихнуть» достигло несравненной виртуозности.

Как замечал ещё Боккаччо, если бы эта «лавочка» (не помню точно, какое именно словцо употре-

бил он у себя в «Декамероне», но смысл именно таков) была не от Бога, ей бы нипочем не удержаться. Или, как ещё более определенно высказался, говорят, Папа Пий VII во время ссоры с Наполеоном. Корсиканец, как известно, нравом был крутенёк. И вот он как разгневается на Папу да как закричит: «Я уничтожу вашу Церковь!» А Папа так спокойно ему в ответ: «И-и, Ваше Величество! Уж ежели нашему духовенству за полторы тысячи лет это не удалось, то Вам не стоит и пытаться!»

Так что, смею надеяться, и мне не удалось нанести делу католичества ощутимый вред. Если в результате моих заметок вы ещё больше укрепились в нелюбви к нам, что ж, по крайней мере, вы теперь не любите нас больше за то, что нам действительно присуще, нежели за то, что вы о нас воображаете. Вы стали ближе к реальности, и это само по себе радует. А выбирать, любить нас или нет, за вас я не могу.

Здесь у меня перед глазами пример св. Бернадетты Лурдской: об этом эпизоде я узнал от господина Мозеса, плотного бельгийца средних лет на вид, с которым познакомился в Брюсселе, в издательстве «Жизнь с Богом». Несмотря на свой молодой вид, господин Мозес был уже на пенсии и тратил часть своего времени на то, что приходил в издательство и помогал паковать посылки с книгами в Россию: их тогда, в 1989 году, когда «Россия открылась», отправляли из Брюсселя невероятное

количество, и помощь добровольцев была необходима.

...О «Жизни с Богом» стоило бы, конечно, рассказать особо: роль его в истории нашего освобождения преувеличить трудно!

Вот случай из ново-деревенской жизни, примерная дата — середина 70-х. О. Александр Мень готовится к литургии, а в церкви толпится молодежь — для середины 70-х явление вовсе не обычное, так, что одна из бабушек даже не выдержала, громко спросила:

— И откуда это вы, такие молодые?

— Из капусты, бабушка, из капусты! — весело отвечал кто-то, и тут же из ризницы донесся голос о. Александра:

— Из брюссельской!

Ведь именно в Брюсселе, в «Жизни с Богом», впервые увидели свет его книги о поисках Пути, Истины и Жизни...

А «брюссельская» Библия! Не скоро, наверное, на русском языке появится что-либо равноценное! Подробный комментарий, аналитическая симфония, библейская хронология, указатель церковных чтений Западной и Восточной церкви, и сколько всего ещё! А уровень полиграфии, а бумага! Словом, когда я держал её в руках до своих поездок за границу, то представлял себе издательство «Жизнь с Богом», как... — ну, вы же видели наши советские издательства, «Известия», «Молодая гвардия»!.. Вот и в Брюсселе, думалось мне, наверняка что-то

подобное: солидное здание, окна сияют, линотипы стучат... А приехал — обычный жилой дом, не маленький, но ничуть не отличимый от соседних, и все издательство — три старичка: Ирина Михайловна Поснова, в детстве вывезенная из России и в Европе принявшая католичество, и два священника-словенца: о. Антоний Ильц и о. Кирилл Козина. Ещё — сестра о. Кирилла, Францка, за кухарку и домохозяйку, да ещё приходила временами Халка, девушка-чешка, тексты набирать. Вот и всё, вот и весь штат. Ну и, конечно, добровольцы, и в их числе — господин Мозес.

До выхода на пенсию господин Мозес был руководителем крупного предприятия, у него под началом находилось две тысячи человек — цифра для Бельгии огромнейшая! (Ещё бы, если штат целого издательства у них может составлять всего три человека.) Но, несмотря на своё несомненно высокое положение, господин Мозес состоял в Легионе Марии — католической организации мирян, основанной в Ирландии Френком Дэффом в начале прошлого века, целью которой является апостольство. Во времена Френка Деффа и ещё во времена господина Мозеса это апостольство осуществлялось, в частности, путем визитов по домам, ну примерно как сегодня Свидетели Иеговы, приходят к вам и спрашивают, не хотите ли поговорить о Библии? А «легионеры» спрашивали, знаете ли вы, что Бог вас любит?

Все это рассказала мне Ирина Михайловна, сама в прошлом активная «легионерка», но мне странно было представить себе господина Мозеса, такого солидного, важного, не бедного, звонящим в разные чужие двери, где встречают его скорее с равнодушием и раздражением, даже с насмешкой и оскорблением, нежели с интересом и благодарностью.

Я не удержался и спросил у него самого:

— А каков, по-вашему, был результат ваших визитов?

— Вы знаете, — отвечал он, — какие-то результаты, конечно, были, кое-кто нас очень охотно слушал, но мы ходили всё-таки не ради результатов. Наш долг был просто нести свидетельство. — Видя, что я не очень понимаю, он продолжал: — Вот, как святая Бернадетта... — и рассказал мне следующую историю.

Во время Лурдских явлений (о Лурде, я надеюсь, никому ничего объяснять не нужно) Бернадетта Субиру получила от Дамы, как она первое время называла Пресвятую Деву, ещё не зная точно, Кто это, поручение: передать местному кюре Её пожелание, чтобы на месте явлений построили часовню.

Не надо думать, что кюре тут же с радостью ухватился за это предложение, почуяв запах инвестиций. Духовенство вообще, вопреки тому, что вы, быть может, думали, крайне осторожно и скептически относится ко всяческим известиям о

чудесах: кто лучше профессионалов знает, сколько здесь встречается шизофреники, истерии, недоразумений, а то и просто шарлатанства! Или, как говорил патер Браун, «когда мне нужно чудо, я знаю, где его искать». Вот именно! И мы вовсе не нуждаемся в подсказке всяких там профанов...

Во всяком случае, в подсказках Бернадетты, где что строить, лурдский кюре определенно не нуждался. Ведь кто была эта Бернадетта Субиру? Забитый неразвитый подросток из нищей семьи: у них даже средств не было содержать девочку в городе, отправлять её в школу, и она росла где-то у родственников на горных пастбищах, а в Лурд спустилась специально для уроков катехизиса к первому причастию. Она и по-французски-то не говорила, а только на местном диалекте (и Даме тоже пришлось им воспользоваться: на постаментах статуй Богородицы Лурдской часто можно прочитать Ее знаменитые слова, сказанные Бернадетте: «Я есмь Непорочное Зачатие», на этом диалекте: «Que soy ega Immaculada Councceptiou»).

Поэтому кюре ей резко отвечает:

— Ты маленькая лгунья, я тебе не верю!

И вот эта забитая неграмотная девчонка («cette petite gamine», — как выразился Мозес, — «эта девчонка», по-французски звучит довольно сильно, по-русски адекватно передать его бы следовало скорее как «эта соплячка»), для которой «господин кюре» ведь был такой большой начальник, что страшно на него глаза поднять, но вот эта «сопляч-

ка» поднимает взгляд и спокойно произносит слова, после которых даже господин кюре впервые начинает задумываться: а нет ли здесь и вправду чего-то настоящего?

Вот эти слова:

— Дама поручила мне передать вам это. Она не поручала мне заставить вас поверить.

Post scriptum

Идиосинкразию относительно католиков, о которой говорилось выше, трудно не заметить в русском обществе. Мой, может быть, излишне резкий тон, конечно, обусловлен именно этим обстоятельством. Но перед «Континентом» и его читателями считаю своим долгом объясниться. Достаточно посмотреть 124-й номер журнала, посвященный памяти почившего Папы, чтобы убедиться, насколько именно эта аудитория не заслужила ни малейшего упрека в предвзятости. Так что полемика моя не с вами. Собственно, выводя воображаемого оппонента с его репликами, я не имел в виду кого-либо конкретного, ни даже кого-то одного, поскольку возражают мне, как вы могли заметить, порой с позиций прямо противоположных.

Нет, мой оппонент, скорее, воображаемая фигура, набитое соломой чучело, которым пользуются для обучения приемам штыкового боя. Вертишь

им так и сяк и колешь его смело, поскольку полагаешь, что ему не больно. Если же кто-то всё же принял мои выпады на свой личный счет, приношу ему искренние извинения.

Оглавление

«Бог может все...»

Кто же такие эти католики?

Св. Апостол Петр

Рим или Антиохия?

А насколько это важно?

Католичность или православность?

Почему католичность означает истинность?

1054 год

Чуть-чуть о ересях

Так кто же всё-таки вертится?

Так кто же всё-таки вертится? *(продолжение)*

Кто кого учит?

Аристократичность католичества

Непогрешим или безгрешен?

А теперь — сам догмат

Как это было

Почему же всё-таки в католики?

«Боженьки нет?»

Доказательство «от противного»

«Скажи мне твое «да» или Кто больше верует?»

О filioque и чистилище

Культурная идиосинкразия

Звонок на радио

Заключение

Post scriptum